

ВИТАЛИЙ БУШУЕВ

ЖИВУ.

ЗОВУ.

ПОМНЮ.

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Я - НЕЧТО

1 000 000 000

Мы

соединяемся

как нули в биллион.

Был ли он

или только снится,

определит

верховодящая единица -

идея.

А где Я?

Я-

концентрат всего земного

и всех космических начал,

судам из прошлого - причал,

грядущим таинствам - основа.

Я - луч и тень

в пространстве тьмы,

Я - эхо в громогласном Мы.

Здравствуйте. Я -
миллионоподобен
как следы от галош,
но отпечатками души -
индивидуален.

Дуален я:
снаружи - ломовая лошадь,
внутри -
вуалью тая
стихи - мой допинг.

Мы похожи на черепах -
мысли нежатся в черепах,
голос собственный к горлу присох,
и чуть что - головой в песок.
Серый панцирь ты не брани,
он нас прячет надежней брони,
он под цвет неприметных щелей,
где пройдет наша тыща лет.

Поэт - это тень мира,
но как часто лишь в тени
нам становится яснее
особенности солнца.

Идейность
и деятельность -
синонимы.
Кто как не мы
не можем быть немые.
Но не только крича
в каждодневных речах,
в руки взяв молоток и зубило,
пока сытости накопъ
нас не сгубила,
срубили ее,
чтоб заалели знаки
нашего изначалия –
ч-е-л-о-в-е-к

Вновь подо мною земля.
Смогу ли я
не просто лицезреть триптих:
природа,
человек
и дело его рук,
а свой оставить штрих,
не нарушающий гармонию картины,
где я - на месте середины,
а все прекрасное - вокруг.

Ветер шершавой ладонью
треплет зеленые косы берез.

По Вересаеву

Моя сума, что названа судьбой,
полна работы грязной, но святой.

Люди во власти пороков,
лености мыслей и дел.
Вот почему у пророков
распятость - вечный удел.

Нам, любящим давать
нравоученья,
не следует о том лишь забывать,
чтоб высказать любое изречение,
нужна сначала мысль,
потом - слова.

На полях книги

Мухтара Шаханова

Человек - не вещество,
а существо.
Тело - это только оболочка.
Главная же суть его -
душа, как набухающая почка.

Жить любя -
значит: волненьям не знать конца,
себя найти в общей массе людского
забега.

Что такое Отечество
как не образ отца,
вставшего на уровень века.

Любить его -
значит, встать за честь его.
Но можешь ли ты любить человечество,
если не любишь одного человека,
не считая себя.

Не к другим, а к себе
будь особенно строг,
человек,
одноразовый сын человечности.
По ухабам и рытвинам
старых дорог
не добраться
к прекрасным созвездиям вечности.
Но не жди, не скули,
понукай лишь себя,
разгребай и тори и трамбуй
свою трассу.
Ведь на то и дана человеку судьба -
строить путь, по нему не проехав
ни разу.

Собрание

Стынет кофе.
Дохнут мухи.
Льются речи - бормотухи.
Мысли - в профиль,
звуки в стену.
Слов картечь и дремы пена

Я - одна из звезд, неоткрытых потомками,
потемками судьбы
пробираюсь в будущее.
Буду еще непохожей,
чем крапива на гладиолус,
голос мой - это эхо
судьбы человеческой.

Меж тем, что было и что будет
сиюминутное «теперь»,
оно как дверь в моей хлабуде,
незапираемая дверь.
Дано мне лишь наружу выйти,
дано другим в меня войти.

На Востоке - алая рань,
а на Западе - вялая синь.
Луч рассветный,
ночь протарань,
лаву солнца вниз опрокинь.
Обращен я лицом на Восток,
Где, бунтуя, рождается утро,
где сегодняшней жизни исток,
зачатой непорочно и мудро.

Нет, не быть поэту
председателем шара земного,
слово массам не заменит мяса,
и какая-нибудь яркая обнова
часто веселей стиха гримасы.

Жарко. Я,
ногами шаркая,
бреду
в усталостном бреду.
В одном ряду
со мной весь люд земной.
И солнечный кларнет
жжет в такт ногам,
но как фотону нет
покоя нам.

А солнце всадником
на спину гор забралось,
как после боя приоткрыв забрало.

На звезды глянешь:
раз-два и обчелся,
а на земле - огней многоточие,
как будто горящим сердцем прошелся
по каждому дому и улице к ночи я.

Стоит туман
о землю опершись.

Назидание

Кто б ни был ты, рабочий иль поэт,
тебя ничто не может не касаться.
Твоею сутью станет пусть завет:
сначала - быть,
потом - казаться.

Многомиллионным массам
не до Хлебникова и иже с ним.

Ее пятикнижием
служит ностальгия о мясе,
об ордере на собственное жилище,
о зарплате,
которой всегда не хватает.
Огонь каждодневных зевот
бьется о душ пепелище,
и в холоде вечных забот
прозрачность и призрачность тает.

Пусть я не стану идолом ничьим,
в энциклопедии
мне место не найдется,
но я в грядущем буду различим
тем, что о нем
сегодня сердце бьется.

Я не убит,
а выращен войной,
и с молоком,
не столь уж, правда, частым,
впитал в себя,
что небо надо мной
без крика «воздух»
называют счастьем.

Мы скованны привычками - тюрьмой
для нашего порывистого нрава,
не ходим равномерно по прямой -
бросаемся налево и направо.

Белое - черное,
черное - белое,
заледенелое
и обгорелое -
надвое расчерченное.
В этой картине
я - посредине.

Жизнь - не стойло.
Наличность перебирая,
в ожидании рая
под брюхом скребя,
жить бы не стоило.
Сумей
себя родить как Личность,
не увлекаемую бытия течением,
а живущую - с увлечением.

Я - многокоординатен.
Порывистое «Нате!»
и виолончелизм Петрарки,
чарку старки -
и в постель.
Пастель смирения
и яркость Первомая -
все принимаю,
все - мои измерения.
И только одно
не найдет места
в моей груди,
это - остановиться на полпути.

Работать - чтобы есть,
а есть - чтобы трудиться.
Коль цель такая есть,
то... стоило родиться.

Пуржит по улицам и душам,
баррикадируя пути,
а ты иди, иди и слушай,
себя молчанием буди.

Судьба - она как загнанная лошадь,
босыми пятками я бью ее в бока -
ни с места.
А другой-
идет в калошах,
идет и топчет в лужах облака.

Я не люблю ходить наискосок,
мне катеты милей гипотенузы,
пусть дальше путь, зато прямей,
и юзом
не надо добывать себе кусок.

По шершавому снегу,
огрызаясь судьбе,
я не в теплую негу -
продираюсь к себе.

Дождь. Дрожь.
Вождь. Вошь.
Ждешь. Лжешь.
Хоро-о-ш.

Жизнь - не созвездье улыбок.
Что-то в прошедшем кляня,
методом проб и ошибок
Время взрастило меня.

Безделье хуже чем боль,
как моль
разъедает,
и тает
привыкшая к ритму жизнь.

Мужись,
не дай покою и невесомости
себя побороть,
на обороте
предыдущей страницы
сохраниться сумей,
либо заново
напиши себя.

Вверху -
одинокие звезды,
и море огней -
подо мной.
На небе не вымерить
версты
без точки отсчета
земной.

Кружево
света и тьмы,
мир-
это ритмы...
и мы.

А самолеты сами не летают,
а теплоходы сами не плывут,
маршруты им заранее выбирают,
их штурманы по компасу ведут,
а нас...

Земля покой свой потеряла,
а я - тем более.
Во мне не граммы материала,
а тонны боли.
Я - фильтр
для всех земных страданий
и смут сердечных,
хотя мой век, увы, случаен,
земной же - вечен.

Что человек в сравнении с Вселенной –
ничтожно мал и вес его и рост.
Но взглядом мимолетным он мгновенно
в себя вбирает мириады звезд.

Я и Мы - это вечная тема,
восходящая к древним умам.
Бунт команды - и гибнет трирема,
если руль неподвластен рукам.
Я - ничто, но и Мы - это нечто,
где не просто найтись самому,
и вопросы встают бесконечно,
обращаясь к душе и уму.

Если что-то в жизни не с руки,
то в затылке пальцами скребя,
не жалея ты одного себя,
не вали вину всю на других.
И не надо на глазах у толп
биться лбом
о первый встречный столб.

Напрасно весла бросил ты, гребец,
надеждой на течение уповая.
Послушность и безропотность сердец
нас к берегу чужому прибывает.

В далекой сказке
отразилось эхо странствий,
и в завтра
нас увозят поезда,
и сгустком памяти
в неведомом пространстве
рождается сверхновая звезда.

Горит на беломраморном снегу
зеленая обломанная ветка
как знак беды,
которую так редко
мы замечаем на своем бегу.
И снег не тает от чужой беды
А ты?

Гладкие ладони

Линии наших ладоней -
нашей судьбы отражение.

А ладони дедов моих удивительно гладки:

стерты линии у одного -
вечным земли притяжением,
у другого отполированы
станка металлом рукоятки.

У отца линии смяты
черенком саперной лопаты.

На свои ладони гляжу -
прямые черточки подстать карандашу.

Пусть судьбы были у всех
разные самые,
пусть судьбы были у них
очень негладкие,
ладоням нашим
работа была кормящею мамою,
работа ладоням нашим
была повивальною бабкою.

Чтоб в жизни не было обмана
и был бы сам себе не рад,
я даже в шахматах не стану
брать ход ошибочный назад.
Пускай уж лучше поражение
сотрет улыбку мне с лица,
чем победить но с сожаленьем,
что честным не был до конца.

Я не пишу поэм
не потому, что скуден
запас идей и тем.
Нет в круговерти буден
ни времени и ни охоты
читать длинноты.

Могу себя я уважать за то,
что не пытался с краю отсидеться.
В большом и малом,
сложном и простом
я оставлял частями ум и сердце.
И оттого не становясь бедней,
наоборот, себя приумножая,
итога дни как сводку урожая,
я не стыжусь не
зря прожитых дней.

Последний вскрик солнца,
закрытого тучами,
к земле обращен:
Товарищи!
Пусть вспыхнет листва
краснотою знамен,
мрак нависающий
раздвиньте плечами своими
могучими.

Догорают в камине поленья,
стихла буйная пляска огня.
Ты сидишь у меня на коленях
словно отсвет вчерашнего дня.

Много

Многословие. Многострочие.
Многоречие. Много...точие.

По мне:
все люди - боги,
а я - один из многих.

В текучке дел и дней
что - истинно,
что - ложно?
понять себя - сверхсложно,
а выразить - сложнее.

Говорить неправду -
это так необременительно,
как целовать нелюбимую женщину.
Воздержусь от поцелуев -
ибо то,
что легко дается,
своей лживостью
разъедает душу.

След

Меж двух огней нет места травостоя,
меж небом и землей
душе покоя нет.
Я лишь тогда чего-нибудь да стою,
когда сквозь пепел лет
мой прорастает след.

Зерна слов

Я - не поэт,
а стихотворец.
Дворец небытия храню.
Роняю
зерна слов я
Время-воронью,
чтоб сторицей
вернуть их в виде чувств.
Учусь
явленью строк
и логике мечты.
Четы такой чертог -
защита от стихии бытия -
и есть
стихи.

Кто Я?

Гляжу в окно на завтрашние дебри -
вместилище заблудших тел и душ
и вижу заратустровского вепря,
упившегося кровью свежих туш.

Чему-то пасть,
чему-то начинаться,
делясь у вековечного столба:

ему - повелевать,
им - подчиняться,

Он - Супер-Гомо, а они - толпа.

Но в этой связке для меня нет места:

из зверя - вырос,
а в толпу - не пал.

Мать матерей - она моя невеста,
мне Данко - брат,
и враг - Сарданапал.

Я - Нечто

Иных страшит самосознание,
что он - Ничто в кольце миров.

Я - Нечто.

Дух святой в изгнании,
не тратя сил на прозябанье,
здесь

наломал немало дров.

Вскормленный замыслом небесным,
познав Земли живую суть,
мне ставшей одеялом тесным,
вступаю Я

на Млечный Путь.

Не оробею перед вечным
круговращением светил,
не оробею перед встречным,
хотя б он смертью мне грозил.

Что смерть -

всего лишь смена тела.

Была бы мысль,

была б душа,

опережающая дело

и позволявшая дышать

то звездной пылью,

то - земною,

то - ароматом древних книг.

Живу космической весною
и зрю ее грядущий лик.
Но Дух натягивает вожжи,
у врат отцовских тормозит;
и мысль одна меня тревожит,
кто Я-
творец иль ... паразит,
чем Я дополню ноосферу
сверх утверждения
«Он - жил»,
какую пламенную веру
в свои деяния вложил.
Не занимался скопидомством -
Я - чист от материальных благ,
одно оставил Я потомству:
бесцельность -
самый злейший враг.
Стихи, стихии, стихиали -
живут, наполненные мной.
Я - не фатален, не нахален -
живу космической весной.

Выразить себя

Богат словами русский лексикон,
в нем матерность соседствует с величием.

Но чьи слова поставлю я на кон,
чтоб выразиться так, как в пенье птичьим

звучит тональность неба и планет,

вечерний миг и утренняя роза.

О, сколько тех, кто значится - поэт,
а сам - к кормушке, где сытнее просо.

Не просто стих с мелодией сплести,

о сущности единства их радея;

не просто дух на небо вознести,

а выразить себя -

еще труднее.

Надо

Иные - уходят,

иные - далече,

а мне пустота -

тяжким грузом на плечи,

и мыслей нелегких

и слов - канонада.

Но выдержать - надо,

но вынести - надо.

От злости не рождаются стихи,
не вспыхнут молнии
от яростного крика.

Одна только крылатая квадрига
несет всю необузданность стихий.

Не голоса истошно,
не взывая
к всевышнему в горячечном бреду,
я должен сам продраться сквозь беду,
держась за поручни летящей колесницы.

Наружу боль выходит,
и лоснится
душа от пота, мыслью созревая.
Нарушу скорость светового блика
и догоню угасшую звезду.

Чужое «Я»
присутствует во мне
как некая неведомая Чакра,
меня перемещая по волне
от микро-Эго и до Космо-макро.
Я вновь зоны жизни прохожу:
Огонь, Эфир и Твердь, и Минералы;
но голосом каким я расскажу,
как оживают зыбкие кораллы,
как ноги вырастают из корней
и голова мутирует на теле,
как ошибались Дарвин и Линней
и что произошло на самом деле,
как появился протогоминид
и научился вертикальной стойке,
чью гармоничность мозг пчелы хранит
и отражает в сотовой постройке;
что значит бого-духо-человек,
меня влекущий мнимым единеньем,
за коим хаотичен новый век
в своем неодолимом повтореньи.
Мой путь реинкарнирован судьбой,
«Я» и «не-Я»
лишь видимо раздельны.
Но чтоб остаться мне самим собой,
должны мы быть предельно однотельны;
ведь «Я» -
зеркальный образ Бытия.

Рожденным быть -
необходимо время.

Переродиться -
можно и за час.

Жизнь - цветной калейдоскоп
чьих-то помыслов и действия,
неба радужный соскоб
на шпигеле Адмиралтейства.
Но раскрашенный бедлам
не сулит мне цельной доли,
разломаюсь
пополам
на чет-нечетность юдоли,
полюсами проглянусь
и, ликуя, опечалюсь,
оттолкнусь и потянусь
к белосветному началю.

Палитра

Семь цветов -
начало всей палитры,
синтез их - свет Белого Луча.
Никакие мощные юпитеры
в глубине небес не различат
тонкие оттенки новых красок.
Все сводимо к тем семи цветам.
Отчего ж в душе моей
гораздо
разномастней
цветовой бедлам:
розовый хитон японской вишни,
чароита черная сирень,
лик рассвета,
коим сам Всевышний
по утрам рисует новый день.

Цвета

Сиреневый,
малиновый
и желтый -
тональные цвета моей души.
И на вопрос -
чего же в них нашел ты,
палитру остальную потушив,
отвечу:
выбор мой - не самоприхоть,
а просто отражение глубины,
где в сумерках царит неразбериха,
и краски -
как предчувствие
луны.

Море

А море не на шутку расшумелось
за то, что я себя предостерег.
Ведь надобно иметь шальную смелость,
чтоб плыть не по волнам, а поперек.

«Утоли мои печали»,
удали
из помятой бытом памяти грехи,
дай мне то,
что не имеют короли -
чувство утра, чем владеют петухи.

Стол

Четыре стены
и свисающий вниз потолок.
Над хаосом мыслей едва возвышается стол
Я столько на нем необычных идей истолок,
что он для меня -
равноправно - тюрьма и престол.

Сердце

Хочется быть добрыми,
облизанными коровою,
а сердце - скомкано ребрами,
болит... как здоровое.
Ему взаперти - не хочется,
ему б - на ветра на вольные,
ему бы - не Данковы почести,
а песни - багряно сольные.

Я ощущаю искомканность сердца,
бьющегося о грудь.
Вольную дать бы,
но где же та дверца,
чтобы назад возвратить.
Порознь же нам
ну никак невозможно,
хоть и болит,
но... свое.
Холодно - жарко,
легко и тревожно -
это и есть бытие.

Неподвижность

Озябшее утро
целует небритые щеки,
готовя мне встречу
с цветущим черемухой днем.

Глаза
в ожидании белого марева -
в шоке,
и грудь омывается
свежехолодным огнем.

На ветке
грачи репетируют
страстные звуки,
и небо
как классная дама
вздыхает: «пора».

Но я-
неподвижен,
и сердцем спеленуты руки,
и калий по вене -
подобьем тупого пера.

ЦКБ

(цикл космического бдения в Центральной клинической больнице)

Мысли стерильны словно больничная простыня,

только в углу

разухабисто выставлен штамп.

Вот и дождался я того судного дня,

что порешит -

здесь мне быть -

или там.

Я не скулю.

Что предназначено -

будь.

Ропот листвы так призывно взывает ко мне.

Я выбираю четвертый неизвестный путь,

не убоявшись насмешек и града камней.

Эта дорога -

к себе.

Октава

О небо, яростным пожаром
мой миг последний - не томи.
Пусть суждено мне высшим даром
сыграть всего лишь: до, ре, ми...,
и я их отыграл -
без фальши.
Они влились в немую высь.
Но чтобы не фальшивить дальше,
скажу себе - остановись.
Уйду с малиновым закатом
угомонившейся красы, чтоб вновь почувствовать
когда-то
озноб предутренней росы.
Пройдя года и расстоянья,
набравшись замыслов и сил,
тогда я буду в состояньи допеть свои: фа, соль, ля, си...

Обруб

Мне надоело жалобы выслушивать,
из хаоса разумное выуживать,
мне надоело дни свои выслуживать,
запал души
на сквозняках выстуживать.
Пусть дерево для будущего спилено,
обруб
всегда честнее,
чем извилина.

Вверх

Всю жизнь я в гору шел
и думал:
солнце - там,
за гребнем,
стоит лишь осилить перевал.
Их было много -
горных ступеней.
Но цели я желанной -
не достиг.
А рощи, полные плодов,
росли внизу...
И все же
путь мой -
только вверх.

Последний год дано мне пережить,
а после - в форму поля я истаю
и буду с белым облаком дружить
и догонять гусей летящих стаю.

Не словесами
научусь вещать,
а буду мыслепеньем изъясняться
и силой духа стану возвращать
себя в края,
что нынче только снятся.

А на земле –
оставлю я детей,
тома своих писаний-упражнений;
пусть память обо мне хранят все те,
кому помог я встать на путь решений.

Свою задачу –
я не дорешал,
теперь она намного усложнится.
Но я перед ответом - не дрожал.
И ты - слезой не увлажняй ресницы.

До цели

Когда идешь без цели -
тяжело,
и надрываясь, пульс в аорте бьется;
вдруг что-то за грудиною зажгло,
и в сердце боль того-гляди вопьется.
Присядь, передохни, определись,
куда
дойти тебе сегодня надо;
и с этой мыслью смело поднимись.
Достичь задуманного -
лучшая награда.
Вновь сила появляется в ногах,
и ретивое - бьется в упоеньи,
и побежденным уползает страх,
а вместе с ним -
тревоги и сомненья.
Навстречу цели -
радостно идти,
сознание вперед меня толкает.
А если...
оборвется что в груди,
то ты меня за это -
не суди,
ну что поделать,
знать, судьба такая.
Ты за меня до финиша дойди.

«Третий глаз»

К тому, что не имел, -

я равнодушен,

жалею лишь о том,

что потерял.

До-нельзя

«третий глаз» мне нынче нужен,

что расширял мой зримый ареал.

Мне предками завещана возможность

за видимостью

глубже различать

не только мира показную сложность,

но истины - прозрачную печать.

Я видел души гор и мысли моря

и безначальность жизненных основ,

я различал друзей за чашкой горя,

лукавость слов и безнадежность снов.

Мой «третий глаз» предвидеть мог напасти,

мог видеть,

что могло, но не сбылось.

Пусть не всегда в моей бывал он власти,

но он не врал, как ныне повелось.

Себя узрел я внутренним виденьем,

грехи свои и свой спиральный путь;

а ныне –

я зажат казенным бденьем:

гляди - лишь «в оба», а о нем забудь.

Моя трехглазость стала рудиментом
(хоть торжествуй, хоть от тоски кричи);
довольствуясь лишь видимым фрагментом,
я к подсознанию потерял ключи.
И плоский мир ко мне стал равнодушен,
скукожился мой зримый ареал.

Тот, кто послушен, -
никому не нужен,
а жив лишь тот,
кто что-то потерял.

В черном вальсе закружился город,
утонул в бездонности ночной,
и дома - свидетели
с укором
немо смотрят на мой флирт с луной.
Что же мне осталось в мире этом -
в вихре жизни пыл свой растерял.
Глядя в небо - можно быть поэтом,
можно - видеть только материал
черной, в звездных блестках ткани,
что шуршит ночным движеньям вслед.
Тишь философических исканий -
вот удел моих грядущих лет.

Быть

Солнце огненной лавой
лижет черные тучи.

Быть - так лучшим,
помирать - так со славой.

Изъясняюсь сухо и пространно -
я напевность речи потерял.

Растрянжирив легкость ресторана,
тяжело тяну словесный трал.

А улова нету -

только камень

тянет в преисподнюю на дно,
где душе, ожегшейся о пламень,
углем сохранить меня дано.

Может быть, пройдут тысячелетия -

темным антрацитовым куском

буду не в камине чьем-то тлеть я,
а дам жару огненным мазком.

Я - потомок Огня
и его Повелитель.
Искры давних костров обогрели меня,
приобщая сегодня к энергоэлите,
той, которой нельзя,
не хочу изменять.
Электрический свет,
звездный блеск затмевая,
нам несет отголоски тех каменных эр,
где энергия -
времени грань теневая -
заполняла земной бесконечный размер.
И прессуя пространство и время собою,
концентрируясь в угольных черных пластах,
сила солнца
с трудом отдавалась в забое
тем,
кто привкус столетий
хранил на устах.
«На-гора» - антрацит,
под землею - пустоты.
И клокочет огонь в рукотворных котлах,
что гораздо мощней, чем военные доты,
выжигающие все дотла.
Обуздать эту силу, увы, как непросто,
но и это сумел-одолел человек,
подчинив электричество правилам ГОСТа,
осветив им маршрут в наступающий век.

Дуб

Время тащится мимо волоком,
все пространство съежилось в куб,
я - не зверь, но уже и не облако,
а скорее - распятый дуб.
От земли оскудевшей - не бегаю,
где посажен - там и расту.
В зной людей одаряю негою,
а зимой - уподоблюсь костру.
Я взмахну опаленными ветками,
в небо кинув охапки звезд.

После

угли черными метками
обозначат мой бывший рост.
Пусть сгорит мой ствол и дупло -
лишь бы было всем нам
тепло.

Судьба и воля

Судьба есть то, что я - могу,

а воля - то, чего желаю.

Но от себя - не убегу,
сценарий жизни - разыграю
как мне завещано творцом -
отцом и всею родословной;
я в маму, кажется, лицом,
подстать душе немногословной.

Но что-то свыше мне дано -
возможность слышать третье время,
быть разом с прошлым заодно,
неся грядущего беремя.

Я все, что мыслимо, вмещу
в свою вместительную душу,
пускай потом не все сыщу,
но пред неведомым - не струшу.

Мне все известно наперед
и даже то, что не случится.

Перехожу я стрежень вброд,
и подо мной вода лучится
сияньем северной луны,
а сзади нет прилипшей тени.

И горных высей валуны
покрыты мхом былых растений.

Я - не ведом, я сам иду
любым возможностям навстречу,

и не в раю и не в аду
меня земной застанет вечер.
Нет, в паутине страстных мук
я не запутаюсь бесславно,
а разорву порочный круг,
чтобы пройти тропой главной.
Пусть на феномены скупа -
душа, внутри меня пылая,
влечет, куда велит судьба,
куда я сам того желаю.

Ветер по крышам зубами скрежещет,
дождь по лицу
как пощечиной хлещет,
мозг будоражат неясные вещи,
в скрипе деревьев -
два голоса вещих.

Первый пророчит грядущую осень,
мокрое небо, забытую просинь
и в наказание, что бога забросил,
вечный покой у подножия сосен.

С ним не согласный -
второй мне пророчит
белую трепетность свадебной ночи,
беглую россыпь задиристых строчек
и ... наваждение мартовских почек.

Что Истина? -
Не плод ума,
не дар духовных размышлений.

Она -
мой посох и сума,
и бытие труда и лени.

Приобретения -
тюрьма,
взведенная до совершенства.
О, расточительство ума –
не знаю большего блаженства.

Звук звезды

Звезда - путеводитель по Вселенной,
мое второе - в этом мире - Я.
И музыкой неслышной и нетленной
звучит в душе космический рояль.

Год назад
в такой же душный вечер
я глядел в закрытое окно,
как на небе вспыхивали свечи
грозового дерзкого кино.
Столько было страсти в той картине,
столько неподдельного огня,
что виденье то живет поныне
на сетчатке глаза у меня.
Что - случайность
иль закономерность:
в тот же день и даже в тот же час
небо год спустя опять разверзлось,
фейерверками молний облачась.
Мечутся запаленные стрелы
в грозогласной суеде огня,
возвращая к ранам застарелым,
возвращая к прошлому меня.
Снова та же мысль сжимает лоб мне,
чудится: еще, еще чуть-чуть,
голова не выдержит и лопнет,
и оттуда вывалится Чудь
в родовом кровавом облачении,
новою Палладой становясь —
и утратит Зевс свое значенье,
и прервется временная связь.

Повторюсь ли я судьбой иною,
чтобы в сонме замыслов и сил
смог допеть оборванные мною
в этот час грозы
фа, соль, ля, си.

06.06.95г.

Все-не вдруг

Не убий, не лги, не укради,
не прелюбодействуй, не завидуй.
Да хоть сотню «не...» нагороди,
не они мою составят свиту.
Я нещадно годы воровал,
врал себе, что впереди их много,
всех красивых женщин ревновал,
бесхребетно плавал как минога.
Не был богомольцем и святым,
никогда ни в чем не знал запрета,
жил разнообразьем суеты,
вторя алогичности Парето.
Лишь теперь, итожа жизни круг,
чаще-мысля,
поступая - реже,
понимаю:
все — не вдруг,
в хаосе всегда есть стрежень.

Нечет - чет

Мне солнце щекочет закрытые очи
и ветер забытость сметает с ушей,
я весь обескровлен,
я весь обесточен,
свинцовой пластинкой —
экран на душе.

Но кровью наполнены гроздья рябины,
и сок свежеструйно по жилам течет;
в глазах полыхают живые рубины,
и жизнь -
то ли «нечет»,
но более «чет».

СВЕРЯЯСЬ С...

Зачем к тому скоплению стихов,
которых больше чем на солнце пятен,
еще мои.

Без слов
я каждому понятен.
И все же труд писать стихи
мне тяжек, но приятен.

Мне было 20 лет когда-то,
я плыл как «облако в штанах»,
но явно было маловато
мне неба в четырех стенах.
То нарывался на закаты,
в рассветы тыкался впотьмах,
то звезды прятались в томах
стихов моей «Махабхараты».
Прошли года. Я стал взрослее,
умней, практичнее и злее.
Но, взгромоздясь на пьедестал,
мечтать отнюдь не перестал
душой прорваться в ноосферу,
соединив и мысль и веру.

Распахнуто окно -
не надышусь.
Душа-
отдушина для ноосферы.
Я верую
и не стыжусь,
пусть даже верую в химеры.

Грустят о прожитом глаза коровьи,
его - не отжевать, не отдышать.
Все застраховано:
имущество, здоровье
и даже жизнь.
Но только не душа.

Четыре строки -
это песня в четыре руки.
Начало - за мной,
остальное - оставлю другим.

Мы от Зевса и Геры
ведем родословную нить.

Дорогие химеры
тоже надо хранить.

Это очень непросто -
нести голову
выше собственного роста,
голому
наряднее выглядеть,
чем в рубашке со смокингом,
трезвому
быть веселее, чем с допингом,
резвому коню быть рядом,
выгладить траву взглядом,
солнцу нашептывать стихи,
стихии сделать друзьями.
А вы попробуйте сами.

Бегут по полям автострады,
растут вместо трав этажи,
но в сердце не светится радость.

Умом дохожу: это жизнь,
но все же,
но все же,
но все же
нельзя все полезностью мерить,
есть что-то иное, дороже,
во что невозможно не верить.

Глубее голубой голубы
воздуха восторженная высь.
Ты по-детски гениально глупым
сам себе в весенний час явись.

Счастье вскричало: «Эй, эй!

Ты выходи поскорей,

я мимо дома пройду,

буду у всех на виду.

Если сумеешь узнать,

если сумеешь догнать,

буду всегда я с тобой,

стану твоею судьбой».

Выбежал из дому я,

вот ведь простак: каково?

Нету вокруг никого,

нет, окромя... воробья.

Мы чтим святых,

но подражаем сильным,

тем, кто догматы старые поправ,

не падал ниц Христу в проулке пыльном,

а в спор вступив, оказывался прав,

зовя людей не к вечному смиренью,

а к проявлению собственного я,

любя себя, любя свои творенья,

все тяготы и радость бытия.

Ко мне в раскрытое окошко
влетел шустряка-воробей.
Ну, что же, здравствуй. Не робей.
Давай поговорим немножко.
Что, любопытство привело
тебя в домашнюю обитель,
иль потянуло на тепло,
а может, кто тебя обидел?
Не скажешь ты. Я тоже, друг,
не все сказать тебе сумею.
Но броситься к тебе на шею
мне захотелось что-то вдруг,
прижаться к маленькой груди,
где бьется сердце ретивое.
Теплей от мысли, что нас двое.
Не улетай же. Погоди.

Луна всю ночь читала мне стихи,
слезинки на ресницах звезд дрожали.

Сомлев, сторожевые петухи
гортанным криком даль не раздражали.

Но не проникшись благодатью ночной
я канул в сон усталый и тревожный:

а ну как небо взъярится войной
движением руки неосторожной.

И звездный лазер мне вопьется в плоть
своим мильоноградусным кинжалом,
и вздумает нейтроном прополоть
живое, чтоб земля как труп лежала.

Нет, мы не петухи.

Нам не до сна.

Чтоб мир не уподобился калеке,
чтоб никогда не прервалась весна,
я стану утром кукарекать.

Господи!

Ты мне снишься ночами,
я тебя не прошу ни о чем,
упиваюсь твоими речами,
днем насытившись кумачом.

Говори, говори, говори же,
проникай в меня словом-лучом,
но не лозунговым мудрокнижием,
от которого не горячо.

Проникай в меня жгучей молитвой,
чтоб в расплаве слились я и ты
дай мне новые силы для битвы
с серым змием пустой маяты.

Белая коралловая прихоть
по ветвям деревьев расползлась.
Медленно, таинственно и тихо
надо всем приобретая власть.
Старый месяц смотрит сиротливо,
как на белораморном снегу
нежным перламутровым отливом
вспыхивают звезды на бегу.
Я бреду по звездам и кораллам,
с красотою душу породня.
Не хочу, чтоб сказка отгорала
с наступленьем трудового дня.

Как другому - не знаю,
а себе не прощу поражения,
выпив горькую чашу до дна, я
возьму этот камень,
что значится воздухом,
и брошу его в свое отражение.

Пусть осколки звенят
колокольными звонами,
их малиновый пламень
не ведает отдыха. Про мое «возвращение»

не-друзья прозвонят
меж собой телефонами,
отпоют, отхихикают:
был, мол, смел,
да не смог.

Смог московских мокрот

в рот набился -
не сумел
вынести,
не сумел выгрести -
о воздух разбился.

А ходики тикают,
о себе ня
и других маня -
без меня.

Что-то хищное в нас - человеках,
не траву мы, а мясо едим.
И в бинокли двадцатого века
мы себя в себе не разглядим.
В нас кипучая жажда - стремиться ...,
а куда - разгадать я не смог.
Наша жизнь талой струйкой дымится,
уплотняя над будущим смог.

На белый снег ложатся памяти штрихи,
на белый лист
ложатся белые стихи.

Из земли растет
белый хлеб,
из земли вырастает
черная мысль.
Мое тело
словно янтарный склеп
на одной из половин
коромысл.
На другой -
пролетевшее тысячелетие верст
скопище стелых звезд.

Солнце проплыло
с востока на запад,
путь повторяя древнейших племен,
несших и крови и пряностей запах,
не оставляя в скрижалях имен.
Все Мы - оттуда, с восточных окраин,
с гор Гималайских, с индийских
равнин,
хоть утверждают и поп и раввин:
наш прародитель - не Абель, а Каин.
Родина ж наша - монгольские степи,
жизнь мы вкусили - в пещерах Саян.
Это потом уже Гришка Отрепьев
смуту затеял в семействе славян.
День завершается.
Солнце - к закату.
Ждем как награду,
ждем как расплату
мы азиатски коварную ночь.

Повторимость

Громоздятся стихи
словно новые микрорайоны,
так похожи на отзвук
давно уже сказанных слов.

Уезжаешь и вновь возвращаешься
к тем же перронам. Так куда и зачем
меня все это время несло.

Повторимость.

Она иногда пострашнее коррозии,
разъедая живые и чуткие стенки души

И стихи уступают дорогу
размеренной прозе,
и без пользы крошатся
цветные карандаши.

На стеллажах расставлены тома
еще мной не написанных стихов,
где ясность слов еще укутана в туман
чужих достоинств и своих грехов.

Еще в себя я впитываю зной
чужих страстей и эхо прошлых лет,
еще на трассе жизни скоростной
я повторяю их - ушедших след.

Но... собственную скорость я набрал,
и собственная вяжется стезя.

И голос мой прорезался: пора,
и замолчать уже нельзя.

Нельзя.

Я никогда не верил богу
и даже в самый тяжкий день
не звал, ей-богу, на подмогу
его спасительную тень.
Не верю в рождество Христово
и в яростной молитвы плач,
и жаркой проповеди слово
не скроет нас от неудач.
Но через все мое неверье
летит с душою в унисон,
роняя золотые перья,
колоколов цветастый звон.
Я стал торжественен и чуток,
всему дурному стал чужой
и верую в большое чудо,
что русской значится душой.

Волна волнуется,
свиданья с ветром ищет,
который только что ее боготворил,
но насладившись улетел ветрище,
не зная ни руля и ни ветрил.
Куда податься — высказать обиду,
а боль и горечь давят на висок.
Усталая потрепанного виду
волна вползает тихо на песок.
Надежный берег словно дом родимый,
легка его отцовская рука.
Но... страсть и в тихой заводи хранима
до нового призыва ветерка.

Дух поэзии так редок,

лес поэзии так густ.

Для иных поэтов - кредо:

посадить свой личный куст.

Я стихи писать не бросил, мне они - по трудодням.

Но готов я унавозить почву следующим пням.

Может быть, прививкой новой

кто-то вымахает вверх,

и моей первоосновой

соизмерит свой успех.

Сказки

Пустое - натянув потуже лук

и запустив стрелу аж в поднебесье,

ждать, упадет она когда-то вдруг

к лягушке, твоей будущей невесте,

иль ветра неумного порыв

стрелу отклонит от заветной цели.

Ах, сказки, сказки,

миру мир открыв,

во мне вы первозданно уцелели.

Я верю вам, как верил до сих пор,

но вовсе не спасенью в утешеньи.

Я с вами вел серьезный разговор,

учась у вас игре воображенья.

Так пусть стрела моя летит, летит,

я вслед за ней пойду хоть на болото,

когда надеждой впереди блестит

зовущее меня куда-то что-то.

Оригинальность –
еще не гениальность.
Банальность
со времен Диогена.
Но гена
такого остатки
прячутся где-то в подкладке,
и заполняют тетрадки
заковыристые стихи -
всех стихий
вместилище,
разом ад и чистилище.
В их пыли ищи -
свищи
мысли яркие.
В скороварке я
нахожу лишь одни потрохи.

Летают неопознанные блюдца
над все еще непознанной планетой,
и бьются люди в поисках ответа
на то, что было, и на то, что будет.

Гипотезы застыло остаются
лишь на зиму опорой под ногами
и разольются талыми снегами,
когда новь фактов жаром их разбудит.
Спешим менять сужденья как одежду,
то отрицая все, то соглашаясь,
к первоосновам прежним возвращаясь,
тая в себе обманную надежду,
что день грядущий знаем наперед.

Но... день грядет,
и все наоборот.
Опять загадки задают нам блюдца,
и в поисках ответа люди бьются.

Мне мало, мало, мало, мало,
не мяса, булок, молока -
того, что в душах задремало
и лишь щекочет нас слегка,
того, что может ураганом
нас бросить к звездам и на дно
давно не мытого стакана,
того, что каждому дано
без порционного расклада
и без лимита скоростей.
Как мало в нас, как много надо
нам дефицитнейших страстей.

Рассвет уткнулся мокрыми боками
в слежавшееся стадо облаков.
Кусты как овцы разбрелись по скалам
и щиплют осыпи губами корневищ.
Медео. Не тебя ль судьба ласкала,
что ж ныне ты как урна для плевков
лежишь, людьми забытый и богами,
и голоден и нищ.

Христу и Ярилле как правнук.
В родне - все народные сплошь
Я все принимаю за правду
и даже стоустую ложь.
Я ею наполню карманы,
как медом усы промокну.
Но верой, как эхом дурмана,
насытить себя не смогу

Мы похожи на муравьев.
Много нас на большой поляне.
Каждый тащит что-то свое,
рассуждая об общем плане.
В каждодневных трудах и бегах,
все в заботе о хлебе насущном
мы теряем себя в веках,
забывая о нашем сущем -
человечьей артельной душе,
не запятнанной копотью винной
и напраслиной муравьиной
не затертой еще и уже.

Наука - лишь катализатор жизни,
а не сама действительная жизнь.
Но без нее действительность закиснет.
Не прячься, мудрость,
делом обнажись.

Мы тщимся слышать, не желая слушать,
хотим увидеть, не учась смотреть.
Как часто знания
бесполезно служат,
а сказки
помогают нам мудреть.

У каждого из нас есть право жить,
дружить, служить, мечтами дорожить,
но нету прав у нас
крушить, глушить, душить
чужую жизнь.

В проявлениях жизни
не сыскать изначальной причины,
и божественный смысл не причем
в зарожденьи моем.
Все по кругу: выходят мальки из личинок,
раскрывают бутоны объятя
и встречаются люди вдвоем.

Я еще не разучился плакать,
удивляться, верить в чудеса
и в наитоскливейшую слякоть
видеть голубые небеса.

Сквозь меня пройдя,
как через призму,
радугю блещет свет земной.
Я горжусь подобным атавизмом
Дай бог, чтоб он был
всегда со мной.

Ты - беспечно, Вечное Небо,
оглушенное ревом мотора,
ты к тому же еще и слепо,
если смотришь на все без укора,
если, пыль человечью глотая,
ты по принципу «хата с краю»
продолжаешь взирать равнодушно
и не вспыхнешь грозой:
«ах, как душно».

Огнепоклонцы

Средь моря равнодушия есть остров,
к нему доплыть, увы, совсем не просто.

Там нет ни райских куш,
ни пеня птиц.

И нет ни жаб голодных, ни мокриц.

Средь скал холодных,
глядя в неба раструб,
там ждут огнепоклонцы Зороастру.

Артисту

В сердцах из немой целлюлозы
неясною каплею вдруг
живые появятся слезы,
как отзвук на Вашу игру.

Слой облаков по-весеннему тонок,
слезы дождя источает несмело;
серое утро, как гадкий утенок,
станет к обеду лебедем белым.

Что человек - пигмей в своем величьи,
иль великан в ничтожности своей?
Меж тем и этим нет, увы, различья,
коль нет границ отсчета для идей.

В гладких строчках не выразишь боль –
 порожденье колючей души.
Ты пожар потушить не спеши,
 пусть сгорит то, что должно сгореть.

Играет солнце в белых кружевах
 старинного Успенского собора,
 и память многоликая жива,
кружит меня в своих объятьях споро
Я слышу белых звонниц благовест,
 взывающих, сзывающих, зовущих,
 я вижу лики русские окрест
и отсвет в них всех таинств в мире сущих.

Мы часто бесполезно обсуждаем,
 первично что: материя иль дух,
друг другу свое мнение насаждаем,
 выпячивая лишь одно из двух.
Первично что: зима, весна иль лето,
 наивность утра, вечера ли ум.
И невдомек: то ль мы идем по следу
 проложенному некогда поэтом,
то ль сытость в мире празднует триумф.

Уму дано лишь частности понять,
все разом может сердце лишь обнять.

Перед единством сердца и ума
раскроется и завтрашняя тьма.

3 и 7 - магические цифры,
Бог не даром троицу святил,
пряча тайны мироздания
в шифры
кругообращения светил.
Мы недельный цикл давно
раскрыли,
треугольник знаем наизусть,
цифры дарят нынче людям
крылья,
и за них я трепетно держусь.

А есть ли то,
к чему стремимся мы -
иль это только яркая химера,
как призрак лета
среди седой зимы,
как во Христа спасительная вера.
Таких вопросов задано - не счесть.
Но и ответ рожден не этим веком,
на то и человек разумный есть,
чтобы стремиться стать Человеком.

Воображение, не играй со мной,
не строй воздушных замков и иллюзий,
с тобой не утону в печальном блюзе,
достаточно мне твердости земной.

Ночь взгромоздилась на плечи домов,
сны выползают из книжных томов,
жизнью чужой хороводят у глаз,
чтобы рассудка огонь не погас.

Фланируют яркие тени,
стараясь не вляпаться в грязь.
Вершиною страстных хотений -
нашлепкой фирмовой гордясь.

Слова,
как наклеенные ресницы,
красиво цепляются друг за друга,
но мешают видеть суть.

Божество - убожество,
черная доска.
На душе - тоска.

Я вчерашним быть бы не смог,
быть бы завтрашним - не сумел.

Позади - смоляной смог,
впереди туман - мел.

Лишь сегодняшнему служа,
ощущает себя душа.

Стремится вверх воздушный шар мечтаний
и тянет вниз привязанность к делам.

Я - пополам.

Меняются местами
мечта и явь.

В смешеньи их - бедлам.

Ты жизнь,
поправ ошибку вычитаний,
вдоль вектора
в грядущее направь.

Мне сняться звоны колокольные
малиновые и горчичные,
в них что-то празднично-раздольное,
в них что-то нутряное - личное.
Под этот звук я с Русью венчанный,
с ее ухабами и храмами.
И сказками очеловеченный,
и распят жизненными драмами.
Сквозь жаркий гром
ракет космических,
сквозь шлягерные театральности
я слышу благовест мифический,
как знак благих вестей
в реальности.

Слово потомка

Не вздыхаем, не клянем, не ропщем,
с прошлого срывая пелену.
Не изъять из памяти всеобщей
взбитую тревогой старину,
конными и пешими рядами
всю перелопаченную Русь,
не изъять, что было с пра-дедами,
осуждать которых не берусь.
Вятичи, древляне и поляне,
скифы, и варяги, и Орда.
На Руси как на большой поляне
по соседству ваши города
воздымались, падали и снова
жгли друг друга, сияясь и ярясь.
Не могу хулить сегодня словом,
не к лицу бросать мне в предков грязь.
Кто из них был прав, а кто - виновен,
я им - не всевышний судия.
Все они в своей первооснове
были мне и братья, и дядя.
Дружба и вражда перемежались,
рядом по истории снуя.
На Поляне все перемешались,
и для всех их стал потомком я.
В кровь свою вобрал я все кровины,
ничьего родства я не стыжусь.
Все соединила воедино Родина моя - Большая Русь.

Буква «О»

(по А. Вознесенскому)

О - округлое как озеро
и как остров одинокое,
одинаково на Оudere,
и на Волге, там, где окают.

О-в обойму слова встроено
как восторг и как воззвание,
как оружие у воина,
объявившего восстание.

О - как облако сомнения
как осина осторожная,
обожженное осеннее
опахало подорожное.

Пень, опятами опрысканный
от обилия обавился,
подосиновик отысканный
мне обиженно осклабился.

Бор как «О» насквозь пронзительный,
воздух словно нож заточенный
озонирует пользительно,
опьяняет очень-оченно.

О - как хор, многоголосица
океанно необъятная:
то как шторм она проносится,
то - овалово опрятная.

О-в строю и одиночестве
по-соседски с всеми дружная.

Потому зову по отчеству
эту букву очень нужную.

Еще раз про «О»

Облокотилось облако о балкон,
с рассветом ссорится сырость серая,
и мысли ... из малокалиберки - в молоко,
но в утро всенепременнейше верую.

Тянутся тени и тонут в тайне,
нежась в нижнем, неизбежность чую:
сонную стынь кочергою корчуя,
словно восстание, солнце встанет.

В воздухе предчувствие погони,
на углу - встревоженный огонь,
на лугу - стреноженные кони.
Что ж ты медлишь, мой заветный конь
Без тебя отстану от друзей я,
от врагов не оторваться мне.
Мой крылатый конь - моя Россия
в летаргическом пока что сне.
Не от громких слов ты пробудишься,
не витиям быть в твоём седле.
Ты чутьем природным убедишься
в правде дела и словесном зле.
И как необъезженному зверю,
что любые путы оборвет,
я в Россию верую и верю.
Просыпайся и... вперед, вперед.

Вечер розовый
как кожура недоеденного граната,
измочаленный
как вывалившийся из очереди,
погоди, не уходи,
не надо.

Ночь - не гляди.
Во мне еще не разорвалась
стихов
последняя граната,
осколки которой
оставляют незаживающие шрамы

слов
на белой бумаге. Я -
не готов.

Магия
вечерней панорамы
смешала прошлое и грядущее.
Смесь все гуще и гуще. Я
или погрязну в ней
как загдохшее семя,
или, вырвавшись, стану сильнее,
чем неумолимое Время.

Видно душу

Когда работа требует силенок,
горячий пот стекает по спине,
когда тепло целует как теленок,
душа сыта и спит на глубине.
Но если осень холодом повеет,
разворошит улыбкою ехидной,
душа становится подвижнее, живее,
на холоде дыхание парит.
И обнаженную тогда в нем душу видно,
которая себя на свет явит.

Нет, не боюсь я перехода
из буйства дел в дремотный
штиль.
О, как бывает мне охота
всю суматошность сдать в утиль
и безмятежным океаном,
внимая звездам и луне,
пить вечность лопнувшим стаканом,
ища себя на глубине.

Совесть

Ты скажи мне, пожалуйста, совесть моя,
почему извиваешься словно змея,
почему ты шипишь на меня всякий раз,
будто я размозжить тебе череп горазд.
Я тебя не лелею как нежный цветок,
я тебя не храню как любимой платок,
может быть, я порой забывал про тебя,
без почтения делами тебя теребя.
Может быть, на тебя иногда и роптал,
только грязной ногой никогда не топтал.
Я прощенья грехов у тебя не прошу,
пред тобою не стану плаксиво гнусить.
Но расстаться с тобою совсем не спешу,
как носил тяжело, так и буду носить.

А время тает словно лед
на наковальне солнца,
седой окалины налет
на сердце остается.
Как коротка ты, жизнь моя:
еще слышны истоки,
а я линияю как змея
и подвожу итоги.

Душа - как воздух,
не спрячешь в ладони,
чтоб после насытиться ей не спеша,
от Балатона до Каледонии
полмироздания вместила душа.

Вечер

Вечер на плечи мои опускает холодные руки.

Подруги - березы
уже ворковать перестали.

Устали,
уснули машин голоса.

Глаза
любопытных окошек закрылись.

На крыльях
летучих мышей приближается ночь

Прочь, -
я звоню в канцелярию Времени, -

прочь,
еще день не умер.

Мой день - он не умер.

Но зуммер
молчит.

Нет ответа.

В ночи
беззвучный мой крик тонет где-то.

И в черную мантию кто-то одет,
ко мне приближается.

Нет,
я не боюсь.

Пусть
на улице стало темней.

Во мне
день продолжается,
жизнь продолжается.

Если закат красив,
значит он нужен.

Курсив отутюжен
мыслью.

Мыслю
о красивом как о живом.

Раннее утро выгнулось шеей лебяжьей,
первым ноктюрном не тронуты
струны берез.

Ах, тишина, тишина. Это я ж ей
душу свою как неспетую песню принес.

Заневестились яблони,
примеряя фату,
поцелуями-каплями
прижимаясь к дождю.

Как тягостны минуты ожидания,
как сладостно мгновенье взлета.

Сообщенье - это со-общенье,
весть о том, что вместе предстоит
сделать нам для самоочищенья
от своих гноящихся обид,
от метастазирующих нравов
заиметь все в собственном углу.
Те, что нас объединяют - правы,
остальные сообщения - лгут.

Я - это нечто целое,
скроенное из живой ткани,
очертаний
не имеющее
ни в одном направлении,
ни в добродетели,
ни в пороках,
переходящих друг в друга,
внутри круга
перевоплощаясь.
Потому и живу.

Зима, паду в твои объятия,
в твои пушистые снега,
сумею, может быть, понять я,
что жизнь на свете дорога.

Фонари перламутрово светят
сквозь озябшие ветви деревьев.
Так и ты, никого не согрев,
не оставишь следа на планете.

Север мечется в глупом упрямстве
возвернуть полустаявший снег.

Тучи как и мы
из страсти скроены,
молниями ярятся во мгле.
Разве небо может быть спокойным,
если беспокойно на земле.

Я знаю тысячу причин
и поводов и оснований
жить без печалей и кручин,
жить в безмятежнейшей нирване
Но... не проходит боль одна -
себя не высказать до дна.

Линии на ладонях наших рук
отличаются судьбами,
но не отличается
вера в нашу судьбу.
Да будет эта вера основана
не на благих пожеланиях,
а на действиях наших.

Вверху

Подо мною туч столпотворенье,
надо мною - голубая синь.
Если хочешь избежать старенья,
рот от удивления разинь,
верящими детскими глазами
ты всмотришься в извечность красоты.
Старость наступает не с годами,
а с приходом сытой пустоты.

Знаю я: и глупо и никчемно
обижаться мне на белый свет.
Ведь в добра и зла его огромность
простирается и собственный мой след

И дома все та же работа
по принципу: надо и надо.

А мне аж до боли охота,
чтоб вне расписанья суббота
была в моей жизни когда-то.

Нет, я б не лежал на диване,
прикрывшись журнальной страницей,
в целебной не нежился ванне,
не млел в равнодушной нирване,
не грезил несбыточной Ниццей.

Нет, я бы занялся уборкой.

Наружу бы выволок душу
и чистил железною теркой,
и тряс словно спелую грушу.

Мы не в ответе за отцов,
нам бы самим не осрамиться,
когда стремимся усомниться
в надежности былых основ.

Для нас наркотиком в крови
тлетворный запах разрушенья.

Мы далеки от разрешенья
проблемы силами любви,
когда пытаемся разъять
большую цель на массу мелких
и крутим колесо как белки,

которых некому унять.
Нам мнится: золотой орех
мы разгрызем схватив за щеку,
не ведая как одиноко
быть одному противу всех.
Пусть буду сыт своим трудом,
не поделюсь достатком с нищим,
и на чужое пепелище
взгляну спокойно...
А потом?

Когда нога родной земли коснется
и груз дорог устало скинешь с плеч,
тогда печальным эхом отзовется
то, что хотел, но не сумел сберечь.

Земля,
я тебе развода не дам,
даже если ты меня разлюбишь.
Я - твой первый и последний Адам,
а ты говоришь - глупыш.

Я в тебе врага не вижу,
я тебя не ненавижу,
равнодушием унижу...
не тебя я, а себя.
Черным черное зовется,
белым белое не станет,
если боль другому грянет,
а в тебе не отзовется,
если сердце не взорвется,
то погибнешь, не любя.

Среда испытывает нас,
среда воспитывает нас
и каждый день, и каждый час
ей надо противостоять.
Себя из глыбы изваять,
в себе ненужное отъять,
и что останется, хоть раз
суметь безжалостно понять.

За тобой как за девочкой
из далекого детства
я спешу по лыжне догоняя любовь,
потому что движение -
это лучшее средство
взбудоражить
от времени чуть закисшую кровь.

Мы все спешим,
зачем-то и куда-то.
«Такая жизнь», - обычно говорим, -
- «не тлеем мы в покое, а горим.
Ведь наше время бурно и крылато».

Все так,
но в марафонском том забеге
попробуйте, мгновенье не спеша,
увидеть в каждом встречном человеке,
как равнодушьем рушится душа.
Душа, которой мы и отличимы
от прочего живого естества.
Мы - как у дерева зеленая листва -
природы дети.

Надо помнить, чьи мы.
Нас родила любовь живых людей,
которую природа вдохновила,
и чтобы было нам в пути теплей,
живую душу в нас она вложила.
Вложила в нас и неба синеву,
и солнца блеск, и тихий шепот
травный.

Сказала: «Человек-ты самый главный,
живи, дыши, красуйся наяву».

Живи, спеши,
всегда будь вровень с веком,
но помни,

как бы ни был крут поток,
тебя я сотворила человеком,
чтоб ты другому дал любви росток.
Нет, я вас вспять совсем не призываю -
богаче можем во сто крат мы быть,
когда чужие души уважая,
научимся не на бегу любить,
не в суете, не в спешном
равнодушии.

Остановись и оглянись вокруг:
не топчешь ли ногой чужие души -
А вдруг среди них та самая...
А вдруг.

Мы разучились, кажется, любить.
На первый план выходит больше разум
Из слов неокровавленных слепить
трудней живую образную фразу.
И строчки рассыпаются золой,
когда в них нету ни огня, ни перца.
К чему тогда многотиражный слой,
когда в стихах нет авторского сердца.

Несложно воспевать небесный рай –
ты на земле прекрасное создай.

Подниму сам себя я за волосы
над трясиной болотистых дней,
зашвырну аж до самого полюса,
обнаженного миру страстей.

Подымусь по веревочной лестнице
к улетающим ввысь облакам,
ухватившись за краешек месяца,
надою из него молока.

И, умывшись безвременной влагою,
стану точкой на Млечном пути,
чтоб светить над Олимпом и Багио,
чтобы Этно в себе разбудить.

А когда надоест мне со временем
слушать сплетни стареющих звезд,
прорасту человеческим семенем
я к земле из заоблачных грез.

Белый лебедь на черном пруду,
хоть в бреду,
но к тебе я приду.
Там, обнявшись взашей,
поглядим,
может, назло им всем и взлетим.
Пусть зеваки распрялят глаза,
пусть кричат мне:
не балуй, слезай.
Мне плевалось на их голоса,
но... твою голубую слезу
утишит
мой чрезмернейший пыл:
я забыл,
продираясь сквозь призрачный дым,
что однажды когда-то
уж был
молодым.

Без чего-то
ничто никогда не бывает,
нелетящая пуля
не убивает.
Без горячего чая внутри не оттает,
равнодушное сердце
любви не узнает.

Научиться дышать красотой,
пить прохладу бездонного неба,
наслаждаться нагой берестой,
слушать музыку свежего хлеба,
от достатка душой не мелеть,
доверяться чужому доверью,
лишь от терпкой дороги хмелеть,
трезвость буден оставив за дверью,
научиться себя понимать в разноцветье, и в сером, и в синем,
чтоб Природа - всеобщая мать
назвала меня собственным сыном.

Что огромней: мир или вечность,
кто могучей: тело иль дух?
Как суметь, чтобы осенью
встречной
от дождей мой костер не потух.

Отринь все то, к чему
привык,
узри в себе потомка лик.
И если ужаснешься вскрик,
то значит - ты уже старик.

«Не убий»

Если смерти другого предашь,
под суровый закон попадешь
и скорее всего, что в тираж
сам пойдешь.

Если ты, изменяя жене,
ее чувства убьешь до конца,
нет тогда тебе званья страшной
подлеца.

Если дерево в парке сломил
или, собственность чью-то поправ,
ты кубышку чужую открыл -
суд и штраф.

Если ж ты никого не убил,
ну а просто мечте изменил,
и напрасно промчались года -
что тогда?

Я лежу и гляжу в окно.

Как гном

среди корабельных сосен.

Осень.

Намокший лес выглядит мрачным.

Входит врач. С ним

сестра, что делает мне уколы.

Голым

лежу под одеялом.

Дьяволом

и всеми святыми чертыхаюсь.

Задыхаюсь

без дела.

Тело морщится,

душа корчится.

Когда, наконец, это кончится.

Надоело.

За дело хочется.

Не падох я как воронье
на мишуру прогресса
и меркантильным интересом
не оскорблю святейшество мое

Я - Человек -
не бытия осколок.

И век мой долгод
не телесным тленьем,
не быта пастила
мне в наслажденье.

Я жив, пока живут
продукт мечты моей - мои дела.

Я и Солнце

Нас ласково обманывает Солнце,
оно глядит напыщенно на Землю
и мнит себя венцом всего и вся.

А мы,
поддавшись властному его очарованию,
вдруг забываем,
как устроен мир.

Ведь человек разумен
как никто.

А разум -
это жизненная сила,
способная разрушить и создать,
чего не в силах Солнце.

Впрочем, что гадать:
самое - кто.

И я - не пуп Земли,
и я - ничто
на той шкале,
которой
пытаемся измерить мы Вселенную.

И в то же время я -
огромный мир,
вмещающий материю и дух,
и время, и энергию, и жизнь.

Но Я и Солнце -
разные миры.

Мы несравнимы
как большой и малый,
мы-
разные пространственные грани,
мы-
разные физические яви,
мы - мироздания разные слои.
Но мы -
равновеликие системы.
Величье наше -
в том уже хотя бы,
что существуем мы.
Мы-
это часть Вселенной,
лишь один этап,
один виток спирали бесконечной,
но не от частного -
к всеобщему
Началу иль Концу.
Спираль сама - часть тора,
незамкнутого в естестве своем.
И нет предела Разуму и Свету,
и мирозданию
вовсе нет границ.

Политики,
прислушайтесь к поэтам.
В их откровеньях, как в дурмане мирры
кодированы вещие советы,
что
будет завтра управлять всем миром,
кто
будет завтра истинным кумиром,
а кто сойдет в объятия вечной Леты.

Политики,
прислушайтесь к поэтам.
Как провозвестники землетрясений
они острее чувствуют дыхание
толпы, готовой подхватить
«да-е-шь».

Они толпу приводят сами в дрожь
не воздуха случайным колыханьем,
а тайного желанья воскресеньем,
к чему готовы мы,
но... ждем совета.

Политики,
прислушайтесь к поэтам.

Поэзия

Поэзия -
консервативнейшее из искусств.
Но зеленеет даже старый куст.

Поэзия -
не сцена дряблых чувств,
она - арена мыслесовершений.
Я у нее заимствую,
лечусь,
учусь стать строже,
чище,
совершенней.

Вопрос-ответ

Я спрашивал ночную тишину
о будущем, о прошлом, настоящем -
лишь тот обрящет истину - жену,
кто станет не берущим,
а дарящим.

Параллели

Мне ведомо и то, чего в природе нет,
что недоступно слуху или зрению.
Тот вырвался из бытия тенет,
кто чаще доверяет озаренью.
Жизнь не подвластна догме аксиом.
Родится каждый в собственной постели.
Для каждого стучит свой метроном,
но все-таки... сойдутся параллели.

Не суди

Вопрос нелеп -
кто: человек иль слон
окажется значительней друг друга.
Величие -
не есть величина.
Суди не по размерам и чинам,
не по значенью квадратуры круга,
суди нас, бог,
по цельности своей -
вместилищу и массы и идей.
Судьбой нам всем доверено идти,
но каждый - лишь отметина в пути.
Поэтому
вообще нас не суди,
как мы не судим собственных детей.

Суть

Ум словно скальпель
сущее членит
на малые исходные частицы.

Но То лишь
нас действительно пленит,
чему душою можно причаститься.

Ведь Суть -
не сумма составных частей,
не результат сложенья скоростей,
а то, что импульс жизни создает
и, даже погибая,
не умрет.

Весь мир наука разделила на куски,
есть голова и сердце -
жизни нет.

И музыкально-поэтический сонет
не передаст всей муки и тоски
отсутствия единства всех Начал,
всех граней, всех вершин,
всех Я и Мы.

Кто понял суть всей этой кутерьмы,
тот в мироздании знает свой причал.

Как много в книгах написано,
как много всего предложено -
а как оценить,
что истинно,
а что, к сожалению, ложно.

Надеялись -
знанья получим все
как дар золотой рыбки,
на самом же деле
учимся,
пройдя сквозь свои ошибки.

Мысли рифмой резонируют,
свежим словом озонируют,
проникая в нас без тормоза,
если выражены образно.

Волны бьются о риф,
оседая в грядущем.
Мысль - не требует рифм,
гладкость ей - не присуща.
Чайки - словно слова -
дышат прошлым печальным,
мысль живет в головах
как волна - безначально.

Глубина

В сумраке масса смыкается с личным.

Я-

и хозяин

и гость.

Строки строги,

лаконично логичны

словно слоновая кость.

Мысли-маслины

античны как Анды

все соотносят одно:

чтоб о тебе прокричали куранты,

надо пройти через дно.

Только столкнувшись с людской глубиной -

залежью злата и зла,

став человеческой вечной виною,

можно о звездах базлать.

Ор

В серых каменных джунглях

ор бездомных собак,

будто жарят на углях

тех, кто духом слабак.

Одичавшая стая

норовит со спины -

не от голода злая,

а от нашей вины.

Что - земля без крылатого неба,

что за небо - без радуги звезд.

Протоптал я достаточно верст,

насыщаюсь и мыслью и хлебом.

Но спираль как разорванный круг

манит дальше - за край горизонта.

Может, там и скрывается Он-то,

личный мой,

русский наш Демиург.

Аз есть

Когда сняты с мундира эполеты,
то кто пред нами -
Человек...
иль царь,
миллионы душ пустивший на котлеты,
держа в руке молитвенный тропарь;
иль - любящий отец,
переживая
болезнь наследника;
или - признав вину
и отречением искренним желая
предотвратить гражданскую войну...
Не отделить живьем души от тела,
сплелись чины и мысли в общий ком.
Вслед за короной голова слетела -
все кончилось обыденным курком.
Нам в нашу современную эпоху,
оторванным от тех жестоких лет,
нет не понять,
что хорошо, что плохо,
что нравственно, а что лишь - амулет.

(Малый театр, 07.11.93)

Отец

Я не ждал сего конца,
как не ждут печали встречной -
мне казалось,
жизнь отца

будет длиться вековечно.

Но, увы, скупа судьба
на благие совершенья -
подступает дрожь к зубам,
корчит голову от жженья,
мысли падают в проран
и бурлят от несогласья,
и поднять не в силах глаз я:
жизнь - мираж
и смерть-туман.

12.09.94г.

Папка, папка,
ты слышишь меня?
Я с тобой говорю
бессловесно,
только мысли с жужжаньем шмеля
обрываются рядом отвесно
то ли вверх, в оголтелую синь, то ли в дерном укрытую
землю.

Я не знаю, за что -
но... прости,
не тебе,
только памяти внемлю.
К сожалению, я не успел
сквозь тебя докопаться до предков,
тех, чей образ за сутолокой дел
предо мной проявляется редко.

Мы - какие,
откуда
и чьи:
из дворцов,
из пещер,
из берлоги?

Кто мне душу в далекой ночи
заложил как фонарь для дороги?
Нет, не пятиться вспять меня тянет,
но грядущее с прошлым -
сошлись.

Все - гипотезы в сытом тумане,
только ты был реален
как Жизнь.

г. Самара

Мама

Мама, мама!

Ты ли это, ты ль?

Я вопросы задаю напрасно -

и другим и мне до боли ясно.

Прозвучат в ответ слова бессвязно,

словно обесмысленная пыль.

Ты пережила сама себя:

ходишь, никого не узнавая,

ничего вокруг не понимая,

узелки сплетая-расплетая

и кудели зябко беребя.

Отчего же мне светло с тобой.

Пусть давно истаял весь твой разум,

я какой-то пуповиной связан

с этим человеческим каркасом,

где был зачат давнею судьбой.

И когда прощались - навсегда?-

ничего в грядущем не взыскав,

ощутил в твоих глазах слезу я.

И она меня с тобой связует -

ты,

моя далекая звезда.

Я к маме прилетел - на юбилей,
ей 90 лет - не так уж мало.
Я по традиции желал ей -
не болей,
но не моим словам она внимала.
Ей чудились иные голоса,
тех,
кто давно оставил землю эту,
им
отвечали мамины глаза,
подобные траве к закату лета.
И вся она уже была не здесь
в кругу детей,
отсутствовавших внуков,
а там,
где вечная вздымалась высь,
в краях, которые неведомы наукам.
И сквозь нее
я те узрел края,
пытаясь к ним протиснуться хоть боком,
свою судьбу грядущую кроя,
себя сверяя
с Вечностью и Богом.

24.12.97.

Ма-ма.

Двухсложное слово.

Сколько же сложности в нем,
ставшем первоосновой
всего,
чем живем.

Метель

Рыщет вихрь по холодной степи,
уподобясь голодному волку,
рвет и мечет
что есть на пути,
воя в страхе своем без умолку.
На меня надвигается смерч.
Как себя от беды уберечь,
чтоб не впасть в зубоскальную пасть,
в белой мгле одному не пропасть.

Двоичность

Цветы и травы
как и все живое
к светилу тянутся -
началу всех начал.

Свет зачал,
а затем и обвенчал
в единую систему
группу двоек.

Двоична жизнь,
двоичны полюса,
двоичная система исчисления,...
Поляны в темных зарослях-лесах,
вода и пламень,
ярость и томление.

Я и не-Я.

Ночь лунная и день,
фигура и ее точеный абрис...
Нет, не бывает разноцветной тень.

Первичен свет -
наш изначальный адрес.

Двоична личность.

В ней и «да» и «нет» -
две крайних и полярных ипостаси,
а Я-
тот статистический ответ,
в котором каждому -
уйти бы во-свояси.

Понять друг друга

Или ветер барабанит в двери,
или ветви стонут за окном -
никому и ничему не веря,
я амбарным сторожусь замком.
Ну, а если самому придется
попроситься завтра на ночлег -
точно так же прежний друг запрется,
скажет: бог с тобою, человек.
Но и Боже тоже не поможет,
если мы друг друга не поймем.
Память-пес с остервененьем гложет
кость добрососедства под дождем.

Друзьям

В дорогу дальнюю откладывая вещи,
перебирая нужное и хлам,
я думаю о том духовно-вещем,
что навсегда необходимо нам.

Мы можем богатеть иль разоряться,
хватать чины иль прозябать в тени,
но чтобы в этой жизни состояться,
самим собою нужно оставаться,
храня друг к другу Ариадны нить.

Сразившись с судьбоносным Минотавром
за честь и за достоинство свое,
не будем громогласно бить в литавры,
а лучше мы вполголоса споем:

Храни, судьба,
нас от лихих напастей,
но никогда
мы не сдадим в музей
простое человеческое счастье -
приумножая,
не терять друзей.

Пусть Одиссеи рыщут по Колхиде,
ища золотоносное руно,
оно... на каждом, если только видеть
в душе друг друга ценное зерно.

И мы подстать старинному Гомеру,
«Под яблоком» собравшись за столом,
нектар божественный употребляя в меру,

в два голоса с гитарой споем:

Храни, судьба,
нас от лихих напастей,
но никогда
мы не сдадим в музей
простое человеческое счастье -
приумножая,
не терять друзей.

Отыскивая в космосе контакты,
чтоб не остаться на земле одним,
мы в троекратном повторяем такте
(на том стояли и на том стоим):

Храни, судьба,
нас от лихих напастей,
но никогда
мы не сдадим в музей
простое человеческое счастье -
приумножая,
не терять друзей.

Приумножая,
не терять друзей,-
на том стояли
и на том стоим.

Снег-сверх колен.
Торить тропу не просто.
На санках - гроб.
В гробу лежит мой друг.
Последнее прощанье у погоста,
но... без взаимного пожатья рук.
Суглинок на лопатах - ржавый снег.
Ему-
не улежать в сырой могиле,
он-
не земли, а мира
человек,
и не в телесной, а в духовной силе.
Не памятник живущих свяжет с ним,
антенна и приемник - наши души.
Все стоящее в прошлом - сохраним
и приумножим образом досужим.
Он нам подаст из ноосферы весть,
мы выпьем истину из круговой братины,
познаем вместе с ним -
не то, что есть,
а тот маршрут,
что суждено пройти нам.

Когда кричат в соседнем отделении -
ни спать и ни дышать
я не могу.

Как ощутима боль на отдалении
и в собственном и в том чужом боку.
А сердце наждаком о ребра трется,
или, обжегшись, съжжется в комок.
Помочь я ни себе и никому не смог,
что будет - только утро разберется.

Ночь.
Холодает.
Секундные стрелки
меряют вечность.
Млечность
созвездьями тает.
Летают тарелки,
пытаясь землянам помочь.
Земляне же... спят.

Ночные огни -
это ребус,
что я отгадать пытаюсь.
Я их вдохновеньем питаюсь,
жду,
когда им
потребуюсь.

Мы - тени, тени, тени
пережитых мгновений,
мы - тени, тени, тени
грядущих дней и лет.
Мы - тени, тени, тени
обходимся без денег,
не ведаем сомнений,
ни радостей, ни бед.
Мы есть и пить не просим,
нас не пугает осень,
но нас нельзя отбросить
как высохший букет.
Ни дьявол и ни гений,
ни маг ночных видений
не могут жить без тени,
без тени - света нет.
Мы - тени, тени, тени ...

Сумрак.
Желтые фонари.
Надвигаются тени зданий.
О, луна, -
соглядатай свиданий,
ты утраченный день повтори.
Я ведь многого не доделал,
кое-что переделать надо.
В этот час мне совсем не до сна-то,
но скисают и веки и тело.
Расписание свое у природы,
я его нарушить - не в силах.
Утром чай вскипячу, и в жилах
новорожденно кровь забродит.

А.Я. Метелице

Когда иногда
на дворе и на сердце
неладное,
и наша звезда
сквозь года
нас зовет во-свояси,
не стоит тужить
и спешить
все забыть в одночасье,
ведь жить и дружить,

в том числе и с собой -
это счастье.
И кредит и дебет
балансом
когда обернется,
а солнце на небе
о хлебе грядущем печется,
одно только нам
перед господом богом
зачтется -
по нашим долгам
платить
никому не придется.
И дети
в ответе за нас
стыдиться не будут.
Пусть сны на рассвете
чисты
как глаза незабудок,
Пусть рябь на воде
и в ветреный день
никак не нарушит запруду.
В огне и в беде
всегда и везде
я с вами,
друзья,
был и буду.

Стоять на пьедестале скучно,
вздымаясь властью над людьми

Молю себя:

собственноручно

превосходительство уйми.

Нет, не затерянною мышкой

будь в окружении людском,

велик-

кто делится излишком

идей,

вкрапленных в снежный ком.

Пусть снег растает,

жизнь промчится,

но возродится как кристалл

в среде насыщенной

частица твоих идей—

твой пьедестал.

Блики

В ночном безмолвии
витают белый блик -
то луч прожектора ласкает облака,
а те,
приняв за вечность целый миг,
висят как непроявленный плакат.
Он
надувает щеки словно шар
и пыжится от звучного значенья.
Но гаснет свет.
И будущий пожар
обуглился невысказанной тенью.

Задача решена -
коль дан ответ.
Как он добыт -
считается неважным.
Как на Парнас взбирается поэт -
с воздушной легкостью
или от пота влажным -
читателю неведом сам процесс.
А жаль.
Важна и логика движенья.
И это - нет, не праздный интерес,
а сопричастность
поиску решения.

«Я» и «не-Я»

то слитны, то раздельны,

как инь и ян -

две половины круга.

Они переливаются совместно,

и им в душе моей совсем не тесно.

Ведь в жизни бесконечно-беспредельной

мы-

дети и родители друг друга.

Ничто мой разум не смущает:

он - многолик.

И Бытность

Верой освящает

наитья лик.

Я верю в чудо и реальность

«чужого Я»,

И наша общая вербальность -

смысл бытия.

Как беден мир, увиденный глазами;
как жалок мир,
оплаканный слезами;
тот мир,
где мы сосуществуем с вами,
не веруя
ни в Разум и ни в Дух.
Но веровать -
не значит преклоняться;
скорее -
над собой приподниматься,
и таинством неведомым пленяться,
и кукарекать утру
как Петух.

Ажур

Прислушайтесь -
проснулись соловьи.
Как серебристо вычурны их трели,
которые непросто уловить
на фоне дятла дребезжащей дрели.
На первый взгляд -
контраст и диссонанс.
Но иглы сосен и листва березы
соединяют гармонично в нас
и суету и утренние грезы.
Рассвета наступившего ажур
сплетает негу с ожиданьем дела.
И купол неба - синий абажур
скрывает солнце -
сплав души и тела.

Бог

Бог - это слабому посох,
а для незрячего - свет,
страждущему - Завет,
умному - кладезь вопросов.

Хокку

Прохладно.
Попрятались мухи...-
ждем весны.

Лебеди,
грациозно разинув рты,
попрошайничают.
Все мы - просители.

Город
как озеро
от порывов ветра
рябит
под напором
слухов и пересудов.
Жизнь продолжается.

Краткостишия

Тонка мелодия свежего ветра.

Танка

вспыхнула

как падающая комета.

Данко

сердце зажег

жаждой любви и перемен.

Ранний месяц

силится рассказать мне,

что было... вчера.

А я все пытаюсь разгадать будущее.

Что общего между нами?...

Листья событий

облетают с дерева жизни,

но набухают новые почки.

И кто знает,

какие песни будут звучать завтра.

Гремят бомбы,

рождаются дети,

люди улыбаются и матерятся...

Снег с дождем -

начало или конец зимы?

Руки

простерлись навстречу друг другу
вдоль купола Собора Святого Петра

И трепетно жду я -
встретимся ли мы
в третьем тысячелетии.

Земля

замедляет свое вращение -
и какая огромная энергия,
высвобождаясь,
раскачивает планету.

А жизнь,
замедляя со временем свой бег,
несет... пустоту
как новое Нечто.

Качели...

Что будет завтра,
догадываются многие.

Что было вчера -
людям невдомек.

А сегодня... идет снег.

Цветы

пригорюнились

в ожидании твоего ласкового взора.

Не обдели улыбкой своей

и меня.

Лепестки цветов

переживают свое совершеннолетие.

А я

старше или моложе их?

Земля - вертится,

мы - вертимся,

мысли - вертятся.

Не надо останавливаться.

Месяц и звезды

рассуждают и светят по-разному.

Но они понимают друг друга

без переводчиков.

Так и мы общаемся

языком жестов и чувств.

Ю. Ведерникову

Звезды - это голограммы мысли
в океанном таинстве души;
и стихи на тонком коромысле
водят за собой карандаши.

А. Кузьмицкому

С годами - седеют волосы,
-мудрость приходит с возрастом,
и ощущение космоса
чаще волнует нас.
К натуре своей все ближе мы,
уже не чинами движимы,
взбираемся трассами лыжными
на свой заповедный Парнас.
Здесь - не грозит безденежье,
земное - кажется меньше нам,
зрит по-иному на женщину
третий всевидящий глаз,
повадки становятся чинными,
ведомы другими причинами,
но мы остаемся мужчинами -
и это главное в нас.

Дм-ю Шпаро

Впереди -
целина, целина, целина,
позади -
лыжный след.
Каждым шагом
вбивается в голову нам:
возвращения нет.
Так устроены лыжи -
ни шагу назад.
Так устроены мы.
Нас вчера проводил
кумачовый закат,
впереди - море тьмы.
И всю ночь напролет
мы идем и идем
на восток,
только шалая мысль
нестерпимым огнем
обжигает висок:
горизонту пора голубеть впереди,
а на компасе - юг,
неужели сошли мы с прямого пути
и свернули на круг;
а быть может,
нас льдина куда-то несет,
слева, справа - вода.
Что гадать:
повезет или не повезет,
лишь вперед -
как всегда.

14.03.97.

Как выразительна рука.
Кулак сомкнутый означает,
что сила есть еще пока -
она все доводы венчает.
Но если разожмешь кулак
как будто для рукопожатия,
ладонь протянутая - знак:
хочу, мол, друга удержать я.

И та же самая ладонь -
как знак мольбы о подаянье,
а перстный крест - меня не тронь,
я охранюсь в нездешней тайне.

Интим руками утаю
иль обниму кого глубоко,
воздеты руки - я сдаюсь
на милость иль врага иль бога.

Живи, пока не надоест,
маши без устали руками,
пора придет -
и руки в крест
как знак слиянья с облаками.

Ищу

И тайный сыск
и светлое искусство -
слова из корня одного растут:

«искать» -

не в этом ли неведомое чувство,
коим ведомы мы на Божий Суд.

И там,
платя за прошлое по счету,
я не хочу остаться должником,
а потому
еще ищу чего-то,
ищу Того,
с кем прежде - не знаком.

Чувства забиты-забыты,
мыслей пуста голова,
рок - предначертанность быта -
мертвые молвит слова.
Нет в них ни ритма, ни рифмы,
звона и трепета нет,
перевели на тариф мы
лиру, строфу и сонет.
Я заплачу - не заплачу,
слезы дороже себе.
Хочется переиначить
ценности-цены в судьбе.

Если я
представляю себя самого,
а за мною -
бесплодная тень,
опустите тогда
предо мной семафор -
нет дороги мне в завтрашний день.

Когда недужится - помочь
могу себе строкой сонета,
а кто больной двадцатый век
излечит делом иль советом.

Неужто нынешний порок
возьмем с собой мы на порог
грядущего тысячелетия.

Напрасно буду сожалеть я,
что выпал нам суровый рок,

стенанья - прочь,

сомненья - прочь.

Дочь

гражданина и поэта -

Россия,

жаждущая света,

где твой сегодняшний пророк...

Душа российского поэта

чиста как снег,

судьба российского поэта

темна как ночь.

СПИРАЛИ

В мире динамичны вертикали,

вверх - деревья,

водопады - вниз.

Мы, карабаясь, вершины достигали,

а затем спускались в Танаис.

В этом механизме - нету сбоя,

кверху глянешь -

беспредельна даль,

все живое прорастает стоя,

только смерть

сулит горизонталь.

У всадника ветром сорвана кепка,

затем -

голова покатилась вослед.

А он не заметил пропажи,

так крепко

задумался,

оставаясь в седле.

Отца я помню, деда - смутно,
а дальше - память мну в тисках.
В лесу истории так трудно
свои корни отыскать.
Чья кровь во мне, какие гены
и где следы моих начал?
Все то, что было в прошлом - тленно,
и Время - в роли палача.

Вслед Монтеневским «Опытам»
лихо бьется строка.
То, что мудростью добыто,
не состарят века.

Нас изобилье не избавит от забот,
оно лишь новые нам тяготы дает.
Копить богатство - тоже тяжкий труд,
а ну как что-нибудь да украдут.

Дурных наклонностей
младенцу не дано,
они с годами пристают
к нам прочно.
И в грязь ступаем мы,
хоть не нарочно,
ведь жизнь - не белоснежное рядно.
Но сколько бы ни липло к нам
говно,
а дети наши снова непорочны.

Бьется мысль как свежий кипяток.
Обжигаясь, пью у древних авторов
то, что по спирали совершив виток,
актуальным сделается завтра.

Горизонт вселенную разрезал
надвое.
Которая половина твоя?

Новогодняя ночь
мишурой драпирована,
свежесть снежной хвои
по домам разворована.

За обильным столом
в телевизорном смоге
мы подняться не можем
уже надо многим:
над привычным устоем,
над бытом приличным,
над отлично устроенным
очень уж личным.

Я бы резкостью слов
продолжение прервал.

Новогодняя ночь.

Перевал?

Перевал.

А ночь уже идет на убыль
и с каждым днем - длиннее день.

Поджав обиженные губы,
зима спешит укрыться в тень,
оттуда ветром ледящим
пуржит пурга, метель метет.

Хвала и слава уходящим.
Я - с теми, кто спешит вперед.

Я многого весной не понимаю;
давно ли был душою тверд как лед,
а нынче опрометчивым трамваем
я отправляюсь в звездный перелет.

Года - километровые столбы
нам время от рожденья отмеряют,
что впереди - крутые лбы
и те - не знают.

Еще земля травой не закипела
и пеной снег над лужами навис,
а воробьи выводят «а капелла»
и повторяют без конца на «бис».

Река, зашторенная льдами,
брюзжит рыбацкими следами.

Одета земля еще
в белую шубку
и дует на пальцы озябшие
сосен,
а солнце, уже распалясь
не на шутку,
выжгло на небе яркую просинь.
И сверху сочится
мартовским зноем,
им крыши отвечают
капель картечью,
и женскому празднику
сердце навстречу
раскрылось как первый подснежник
весною.

Весна

Жабо пушистых облаков
и небо голубее лазурита,
сугробы, обожженные с боков,
кровоточат.
Весна во всем разлита.

Светает.
Волшебно-святая
кончается ночь.
А мне еще спится,
а мне еще снится
прошедшего дня золотая частица.
Но надо себя превозмочь,
к грядущим делам причаститься.

Года - как порох.
В порах бытия
и ты и я -
мы все взрывоопасны.
Но главное, чтоб не была
напрасной,
невыстрелившей жизнь твоя.

Наши волосы посеребрило инеем,
в голосе уж звонкости той нет,
но по-прежнему багряно-синим
по утрам нам чудится рассвет.
В мире нет, не потускнели краски
в отблесках уставшего костра.
Не бывает возраста у сказки,
не бывает молодость стара.

Тепло и свет дарует людям солнце,
но уповать на чей-то дар не будем.

Тепло и свет приносят людям
люди.

Бегу, бегу, бегу, бегу,
но на Байкальском берегу
седая лошадь Времени
решила вдруг остановиться
испить водицы.

Как хочется из стремени
освободиться мне и повториться,
омолодившись в ледяной волне.

Громкоголосая стихия
о берег бьется головой.
Горько-соленые стихи я
в ее вплетаю голый вой.
И однотонное отчаянье
в своих объятьях нас роднит.
Но многотонное молчанье
волна, отхлынув, породит.

Рассвет, как красный иноходец,
копытом бьет по тишине,
и небо тает в вышине,
и звёзды прячутся в колодец.

Случайность

Случайно всё: зима сейчас иль лето,
что снится мне, чем грежу наяву.
Случайно я увы, не стал поэтом.
Лишь не случайно то, что я живу.

С любимым из нас мечты нерасторжимы,
как мы с своею сущностью земной.
Как скалолаз я лезу на вершины,
не те, что под,
а те, что надо мной.

Жизнь не такая уж
штука бесславная,
если суметь ухватиться за главное

Тополя как альпинисты
по расщелинам, по кручам
лезут вверх, где небом чистым
дышит грудь полней и лучше.
Там, в соседстве с ледниками
и манящим вверх простором,
станет тело словно камень,
станет сердце коридором,
всем ветрам доступным станет,
человеческим и божьим.
Если сердце не устанет,
мы с ним вместе песню сложим.

Когда человек достигает зенита,
не грех обернуться
и взглядом вернуться
в отцовского дома дверной окаём,
и вспомнить тот первый
осколок гранита, что лёг в основание моё.

«Не ошибусь»

На свой вопрос, высокого пошиба
иль низкого дела стоят за мной
и сколько сделал в жизни я ошибок,
уверенно отвечу: ни одной.
Ведь вспять вернуться и прожить иначе,
чтобы сравнить итог, нам не дано.
И тем шажком, что я дорогу
начал,
гордиться и в конце мне суждено.

Не считайте меня ветераном,
я еще не успел совершить,
что завещано было вчера нам
вместе с правом физически жить.

Облака и те
как на плакате:
попслушные,
скушные.

Ветеран - от слова ветер.
У него душа как парус.
Он, пока живет на свете,
не приемлет слова «старость».

Короткой мимолётностью штриха
себя во мне отобразила Русь,
и я неповторимостью стиха
всей сутью изначально повторяюсь.

Осень

Деревья, жертвуя собой,
ковром шуршащим устилают
нагую землю. И кто знает,
что ждёт их будущей зимой.
А я, укутанный в резину,
бреду по пёстрому ковру
и вслух самозабвенно вру,
что жизнь прошла лишь вполовину,
что впереди годов не счесть.
Слова как липнувшая лесть
хотят сознание убаюкать.
А если мне навстречу вьюга...
Перед собой как перед строем
я обнажусь до естества,
осыпется моя листва.
Кого она теплом укроет?

Устаю -

но стою,

не кончаюсь.

Может меньше качаюсь
задубевшим от ветра стволом

Может, меньше

упрямство таю.

Менее обольщаюсь,

тяжелей расстаюсь,

но мне рано на слом -

я ещё не в былом,

я ещё остаюсь,

я ещё состоюсь.

Снег с дождем.

Прохудились небесные бочки.

На ещё не увядшей траве -

белизна,

на ветвях оголённых -

стеклянные почки,

из которых когда-то

родится весна.

Алмаз достоинства свои
хранит наперекор всем модам.

Живая бахрома хвои
тускней и суше год от года.
А что же ценностям людским,
им сроком значиться каким?

Я постарел:
мне снятся стихи,
над которыми плачут,
а слёзы - не молоды,
им тысячу лет.

Не называйте розовое красным,
похожестью не называйте суть,
и не пытайтесь словом громогласным
в истории уснуть.

В мире меньше не стало забот,
в мире больше не стало свобод.
Был зависим от хлеба куска,
а теперь - где бы душу сыскать.

Из тумана как манна небесная
выплывает потерянный берег,
Но... всё скалы, всё скалы отвесные -
не причалить к родительской двери.

Памяти Э.С. Лукашова

Нас только горе научает
восстать над суетой сует,
нас в черствости изобличает
к тому, чему возврата нет.
Вздыхаем, ахаем и... снова
мы попадаем в круговерть.
Она - нам всем первооснова,
пока не остановит смерть.

24.11.84.

Что ты за птица,
убедиться
смогу, моргну лишь веком.
А ты не птицей
сумей родиться,
а человеком.

Протрезвело б небо хоть,
непогодь и непогодь.

Холодные стихи как отражение
осеннего простуженного неба.

А грозные летние сраженья
ушли в небытие... Туда и мне бы
Я прежнего огня не ощущаю,
и мысли оттого мои рябы.

Нет, прошлому себя не завещаю.
Стихи - долой. Поедем по грибы

О, как вы постарели,
менестрели.

По прогнозу - минус восемь,
но капель стучится оземь.

Упал-
ещё не значит умер.

От вещей дел
пусть пот солёный
рожает автора.
Имей в душе росток зелёный
как пропуск в завтра.

Неодолимо мужество стиха,
помноженное на его напевность,
лишь не хватает вящего штриха,
чтоб современностью
явилась древность.

Орган звучит в старинном
кафедрале,
где некогда звучали времена,
и я не знаю, память ли,
ветра ли
украли дорогие имена.
Все стало прахом,
музыкой органной,
но звуки, сорванные
с трубных губ,
растут во мне подобьем великана
и заполняют мой бездонный куб.

Поздняя осень.
Дороги раскисли.
Небо слезится.
Грустные мысли.

Осень

Небо тучей бьётся оземь -

это осень, это осень.

Дыни стынут на Привозе -

это осень, это осень.

Лист застыл в немом вопросе:

скоро ль ветер меня сбросит -

это осень, это осень.

Только вдруг улыбкой встречной

обожжет меня случайно,

и отчаянно забьётся,

надрываясь, мой мотор.

Значит, что-то в жизни вечно,

есть какой-то стимул тайный,

если осенью ведётся

сердца с сердцем разговор.

Первый снег

На сером фоне

ветви словно бритвы,

сейчас прорежут небо и... лови

свой первый снег

как первые молитвы,

как первое признание в Любви.

Снег радуется встрече с Человеком,

глаза ему восторженно слепя.

Я поздравляю с новым первым снегом

Вас и себя!

Голова гудит от гуда
дел, неслеланных покуда.

А за окном - осунувшийся день
с усталою улыбкой марафонца.
Всё позади: дела и дребедень,
отнявшие кусок души и солнца.

Небо кануло в звездную вечность,
смолк финальный вечерний аккорд.
И плывёт, натываясь на встречу,ность,
тишина как почётный эскорт.

Листая древние создання,
гляжу в Истории глаза.
И вижу: в современных зданьях
былая грезится лоза.

К глазам рассвет подкрался незаметно,
разбуженный огнями фонарей.
И облака красавицею бледной
румяна щёк наводят поскорей.
А мне милее призрачность рассвета,
лишь ожиданье утра - не само.
Так прелесть послезавтрашнего лета
всего приятней чувствовать зимой.

Как женщины
чувствительны берёзы
к улыбке солнца,
хмурости дождя,
то - ветрены,
то золотые слёзы
роняют, дня осеннего дождаясь.
Берёз вечнозелёных
не бывает,
чарует - разноцветная листва.
И ветер,
листья с их ветвей сбивая,
не убивает жизнь, не убавляет,
лишь оголяет
вечность естества.

Мы выдаём себя за реалистов
и ценим только то,
что можно осязать.
А как почувствовать
озноб осенних листьев,
дыханье родника пересказать.
Не всё рождается чёткою причиной,
не всё умрёт, когда наступит срок.
Вот почему туманною личиной
меня объяло наважденье строк.

Когда в стихах моих находят
орехи в розовом драже -
не верь. Как пот они исходят,
чтоб чище стало на душе.

Когда двадцать тебе или тридцать,
это вовсе ещё не конец.
В книге жизни бессчётны страницы,
и тебе предстоит повториться,
как в тебе повторился отец.

Дети всегда красивее родителей,
правда, в них часто поменьше добра.
В голосе детском - то честь предводителя,
то беззаботная трель серебра.
Всё они могут. Одно только - нами стать
им не удастся уже никогда.
Любим детей мы порой до беспамятства,
ибо они - наше эхо в годах.

День лицом почернел,
наглотавшись чернил
с недописанных мною страниц.

Цокают копыта памяти,
нам идти
за ними следом.
Летом
в зной
иль в зимней замяти
обнажать себя скелетом.

Свеча дрожит дыханием моим,
но рвётся вверх встревоженное пламя,
и на стене неустойчивый мим
все будоражит тень мою и память.
Мне мнится тот полуночный костёр,
зажжённый эхом нашего желанья.

Как руки страстно к звёздам
он простёр,

так восклицаюсь ныне
в том же плане я.

Горит свеча и грезится пожар,
стихи рождаются неотделимой тенью
и тянут кверху как воздушный шар
наперекор земному тяготенью.

Умолк последний соловей.
Неумолимо расставанье.
Останусь в памяти своей
я вечной песней ожиданья.
Ведь кто не ждёт, тот - не живёт.
У неживущих нет начала.
Я - жив. И пусть конец придёт,
но лишь бы песнь моя звучала.

Вечер комнату драпирует
одиночеством.
Кому в отчество
имя своё дал, где вы?
Девы чужие вас за собой увели.
Вели, Время,
спилить поскорей тёмной ночи ствол
Стол для завтрака
я накрою без печали и гнева.
Слева посажу память.
Маме - место напротив по праву.
Справа - надежды ораву.
Тень одиночества
растворит наступающий день.

Отрубили у тополя руки,
чтобы звёзд не хватал он с небес,
не дарил их безрукой подруге,
белым пухом не сыпал в округе,
примеряясь к прическам невест.
Отрубили по чьей-то причуде,
злого умысла в том не храня.
Только глядь, а культа словно в чуде
распустила опять зеленыя.
Значит, то, что не умерло, живо,
то, что живо, то снова растёт.
Так, прикинувшись тополем, Шива
многорукий над миром простёрт.

Сколько мудрости в жизни самой,
в самом факте существования,
в том, что белые снега зимой
не позволят душе остывание,
в том, что сосны весь год зелены,
а берёзы меняют одежды,
в том, что к теще спешу на блины,
в том, что в детях лелею надежды,
в том, что люди, устав от забот,
спать ложатся в приятной истоме,
в том, что кто-то кого-нибудь ждёт,
не гася электричество в доме.
Сколько мудрости в ласках жены,
не растраченных в прошлом и
пыльном.
И слова - не слышны, не нужны.
Только разум и сердце всесильны.

Под комариный писк не спится мне,
не спится.
А ночь как чернобуря лиса
искрится звездами
и мягкостью лоснится.
А мне не спится.
И мысли мечутся,
сливаются как спицы
спешащего на финиш колеса.

Ночь - гильотина,
равнодушная к судьбам
казнённых дней,
а они на зло ей
возрождаются наново.

Умерьте
стенанья о смерти.

Я не делим на то, что было
и что будет,
хорошее, плохое ли - со мной.
Но каждый раз
рассвет надежды будит,
что не рюкзак,
а крылья за спиной.

Белая память
над проседью стылого моря
машет крылом перед дальней
дорогой на юг.
Мне же с холодной волною
и возрастом споря,
мне оставаться
нетленною памятью юнг.
Нет, не напрасно
мне голову Время кружило -
я не остыну,
пусть море замёрзнет как жель.
Сердце моё будет кровью
струиться по жилам,
чтоб сохранить 36 неизменно и 6.
Чайки вернутся -
расспрашивать их я не стану,
память чужая не сможет
меня окрылить.
Море растает,
и вновь у штурвала я встану,
чтобы от памяти прошлого
в завтра рулить.

В лужах застывших не тают, не тонут,
в душах давно надоели друг другу,
лисьей позёмкой гонимы по кругу,
листья опавшие стынут и стонут.

Так же и мы...

Жизнь - это множество вариантов,
рассчитать которые
не дано даже самому прозорливому.

И всё же...

я живу.

Чёрная кошка
сзади меня обошла.
Жизнь полной ложкой
насытила и обожгла.

Что ждет меня в 2000-ом году,
найду ли я себя в его тумане.
Но манит неизвестность. Я иду,
и какаду-вещун не одурманит.
Не знаю, вдруг печальная судьба
губами поцелуйными отравит.
Не вправе думать, будто жизнь груба,
скубаясь с ней, мечта пусть миром
правит.

И потому не литерный билет,
нет, я беру с собой в охапку Время,
и бремя надвигающихся лет,
поэт, тебе пусть будет самой
Первой премией.

О-о-го, И-о-го-го.
Пошумим. И... ничего.

Круговерть, круговерть...
То рождение, то смерть,
то - на гребне, то - снова внизу.
Каждый день, каждый год
жизнь по кругу идёт,
всё лечу, всё бегу, всё ползу.
Остановки в ней нет,
и по выслуге лет
ждёт меня неминуемо смерть.
Только жизнь не убьют
и другие придут -
будет та же у них круговерть.

Адрон времени

Когда пронзает трепетную плоскость
своим лучом
незнаемый адрон -
других миров посланец,
отголоском
рождается сверхновое ядро.
И разрастаясь по горизонтали,
и челноком снуя то вверх,
то вниз,
наполнят тело времени спирали,
чьё множество
и составляет жизнь.

Полюса

Инь -ян,
чет - нечет,
он-она.

Мир разделен во всем на полюса,
их действием вздымается волна,
чей гребень - это жизни пояса.

Растут кристаллы,
флора жнет посев,
филообразен фауны разбег,
и пеною взнесенный человек
царит,
на трон без основанья сев.

Все - преходяще.

Жизнь –
то вверх, то вниз.

А завтра –
полюса сыграют вспять
(природе тоже свойственен каприз),
и нам гордыню надобно унять.

Мы –
лишь один
пускай девятый
вал,
но нами не окончится игра,
солятся вновь молоки и икра.

Волна –
в иной проекции –
овал.
А ежели честней взглядеться в даль,
стон прошлого
и будущего зов –
все это –
поединок полюсов,
овал преобразующий в спираль.

Развитие

Начинаясь с изначальности,
что в нуле живет,
мир привык к ортодоксальности:
вправо, вверх, вперед.
Четырехкоординатные
(если время счесть) -
никому мы непонятные -
так и есть.
А становится нетленным тело,
если движет им душа и дело,
а не связи следственно-причинные,
как учили нас учителя.
Вырастая из стадий мотыля,
мы взлетим над брошенной личиною
И пока назад нас не забрали,
развиваться будем по спирали.

Голограмма

Человек - не плоский лист картона,
чтобы малевать иконостас.

Для него

с небесного амвона
выдает амбивалентный глас
то сухую дробь нравоучений:
не моги, не думай и не смей;
то огонь амурных увлечений,
страстное желанье слиться с Ней —
и земной и неземной подругой,
дочерью небесного Отца,
нас влекущей в бесконечность круга,
где начала нет и нет конца.

В жизни то комедия, то драма,
то - высокий дух, то плоть - живот.

Человек объемней голограммы,
перевоплощаясь,

Он - живет.

Имманентность

Жизнь - это века
одномоментность,
конец начала,
начало конца.

Время -
внутренняя имманентность
каждого,
а не Бога-Отца.

Перевал

Жизнь - разорванный овал,
по которому сную.
Где я только ни бывал,
что я только ни видал,
но все чаще узнаю:
жизнь –
всего лишь перевал.

И сколько б мы ни плакали надрывно,
не в силах увязать концы рукой,
жизнь есть спираль,
в которой непрерывно
одна волна бежит вослед другой.

Сон

Сначала -

я проваливаюсь в сон,
он как болото цепенит все тело,
и мысли цепенеют - в унисон,
и трудно с этим что-либо поделать.
Перемешалось все в моем мозгу,
ползут в него какие-то субъекты
и вакханалют.

Я же - не могу
им помешать всей мощью интеллекта.

Они плетут неведомую вязь
картин, видений и фантасмогорий,
чрез них держу я с ирреальным связь,
их голоса - в потустороннем хоре.
Кружусь я с ними в пляске неземной,
чужие разговоры ощущаю,
как будто мир иной -
теперь со мной,
то ль я - в нем,
то ль в себе его вмещаю.

А утром,
провалившись в никуда,
бесследно исчезают сны и тени,
смывает все хрустящая вода
реальных дел,
чужих стихотворений.

Грядет - Оно.

Сквозь холод суеты,

сквозь жар мечты

и пламя сновидений

грядет - Оно.

Но многим не дано

узреть его черты

и цветность красоты

в явлениях тени.

Я ощущаю:

навстречу мне,

но не извне,

а из меня,

меняя Сущее,

грядет Грядущее.

Оно, вращаясь,

теряя лишнее,

живет подвижнее,

прибавив в скорости,

охватит вскорости

и Тело ближнее

и Небо вышнее.

Этап

Там, где смыкаются
жизнь и не-жизнь,
время с пространством смыкаются гранями -
створками раковин жестких
смежись,
мыслями стань
безгранично-бескрайними.
Ты и не-ты,
изнутри не понять,
стали богаче мы
или же нищими -
на несуразности неча пенять,
боль омывая чужими слезищами.
Цепкой клешнею хватается краб,
жалят укусами оводы летние...
Все-таки жизнь -
это только этап
в той эстафете,
где мы –
не последние.

Жизнь -

это чертово колесо:

сверху, казалось бы, видится дальше,

но высота, к сожалению, несет

неистребимое качество фальши.

Облако

словно упругий ковер

кажется легкой дорогой к успеху,

но у коварной судьбы

гайковерт

вдруг развернет под ногами прореху.

Полоборота - и ты у земли.

Все, что казалось неразличимо:

лица, трава и ухабы в пыли -

стало до рези в глазах ощутимо.

Здесь под ногами -

надежная твердь,

можно ступать, не боясь оступиться.

Только нам хочется снова взлететь

и миражом поднебесным упиться.

Весеннее

Зеленым пухом
поперхнулась
березовая роща.
Паленым духом
пласты земли глядят
черней и проще.
И копошатся на огородах,
юбчонки скинув,
бабы.
Мне б отдышаться
как при родах,
а там -
хоть черту в лапы,
или в святые -
без крыльев
ангельские белые одежды,
и в эти облака витые
ввернуть
свои весенние надежды.

Золотая проседь -
осине к лицу,
эполетами
клен полыхает,
значит -
лето к концу,
скоро - осень лихая.

То ли ветер шуршит,
то ли дождь шебуршит,
продираясь сквозь желтую крону.
Скоро лето свой путь по земле завершит,
проводжаемое вороной,
будут голые ветки махать ему вслед,
небо серое жалостно хныкать -
а мне чудится
блеск золотых эполет,
что носила
вчерашняя Ника.

Негэнтропийность

Мы - на шаре,
над нами - сфера,
а за ней -
другие миры.
Эх, заманчивая химера -
быть аналогом «черной дыры».
Я вобрал в себя все пространства
бывших, будущих, здешних времен,
одного не приму - постоянства:
с энтропийным покоем
конец обручен.

Смещение

Смерч клубящийся -
на-небо тянет,
водяная воронка - на дно.
День и ночь на волне расстояний
нас уносит туда,
где Оно — наше прошлое -
призраком глянет,
или «завтра» -
явиться должно.
Мы всегда смещены друг за другом,
видя профиль и видя фасад,
так и мчимся разорванным кругом
вверх и вниз,
и вперед и назад.

Весна

Улицы - кашеобразны,
мышино - машиноподобны:
воздух - и грязный и праздный,
и мысли назойливо дробны.
Обрывки разбросаны ветром,
затоптаны ржавым ботинком,
собачьим завшивленным фетром
воняют бродячие динго.

Весна -

хоть стреляйся, хоть плюйся
бесцельна, пуста, безотраднa.
И я - уже вновь не влюблюся,
и нету дороги обратно.

Ломаюсь -

боюсь надломиться,
вздыхаю глаза в поднебесье,
но вижу унылые лица,
но слышу убогие песни.

Весна -

отрицанье бывшего.
Но хочется верить весною
и выкрикнуть громкое слово

«Земля»-

что привиделась Нюю.

Зажглась звезда -
одна на небосклоне,
ничтожная в сравненьи с фонарем -
как бриллиант в серебряном кулоне,
ограненный морозным январем.
В ней схожесть есть с едва замерзшей льдиной -
как яркое свет,
как холоден тот свет -
нет страсти под сияющей личиной.
О, приходи,
живительный рассвет.

Утес

В объятьях страстных волн
утес угрюмый ожил,
и брызги-поцелуи
взметнулись к небесам.
Нездешний мир ночной,
сребристостью умножа,
в органе звезд
ударил по басам.

Вечный обмен

Из книжных знаков возникает мысль
как отражение всех явлений мира.

На ней как на крыле
ты подымись
над плоской крышей собственной квартиры.

И там в потусторонней высоте,
феномены сменив на ноумены,
поймешь,
что жизнь дана тебе затем,
чтобы в процессе вечного обмена
с природной окружающей средой,
и с миром социума, с ноосферой
ты разумом и духом
как святой водой
смывал с себя остатки Люцифера.

Стихи - не есть гармония,
они - явление образа,
всегда - непредсказуемы
как блики от луны,
сияющей над озером,
как вечное без тормоза
«Великое Дыхание»
пра-жизненной волны.

Стрежень

Не из Земли вышел Я
и уйду не в Землю, а в Небо.
Земле достанется мой прах,
мое физическое тело,
а сам я растворюсь в парах
космического беспредела.
Но я всецело - не умру,
и когерентным словом прежним
вас проведу я по-утру
в тумане жизни -
главным стрежнем.

Ойкумена

Мир, в котором живу, -
многомерен.
Было, есть или будет когда -
все возможно,
во всем,
я уверен,
отразится моя колгота,
отразятся мои ноумены,
как во мне -
мира скрытая стать.
И на звездах свои ойкумены
нам придется опять воссоздать.

Рождество

Мы отмечаем Рождество
не как рождение Христа -
ведь миром правит естество,
а не направленность креста.

К тому же
крест как знак святой
был много ранее рожден
как символ встреч Огня с Водой
в языческой дали времен...
(а православие - лишь тень
язычества в одежде слов...).

Мы отмечаем этот день
под русский звон колоколов
как пробужденье естества
от летаргического сна:
спешит зиме взамен весна
под старым знаком Рождества.

7.01.99

У озера

Падают листья в озерную гладь,
сосны своим отраженьем любуются,
облачки в небе лениво целуются,
рыба и та перестала клевать.

Что это? -

то ли нирвана сошла,
всех осенила ленивой покойностью:

землю,

замаливающую покорностью

тысячелетья прошедшего зла;

флору и фауну,

солнечный свет

впитавших в себя в бесполезной обильности;

душу,

погрязшую в будничной пыльности;

вечер грядущий и новый рассвет.

Будет таким же он? -

думаю, нет,

вновь колесом как обычно завертится.

Даже с трудом

да и то не поверится,

в то, что мгновенья прекраснее лет.

Клев

Я гляжу
на молчащий поплавок,
жду
хотя бы случайный клевок.
Ну а вечность мимо течет,
ей мои проблемы -
не в счет.
У нее - безнадежные дела -
землю эту убережь ото зла.

Мир утратил определенность,
как комар в паутине бьется,
и недавняя отдаленность
ныне болью своей отдается.
Лик вчерашнего херувима
нынче видится козьей мордой,
и глядит златозубый Фима
на прохожих с улыбочкой гордой.
Мы - прохожие в этом мире,
потеряли себя в разливе,
в кубатурной своей квартире
никогда нам не стать счастливей.
Нам бы выплеснуться наружу
внеземным когерентным светом,
и тем самым очистить душу,
став работником и поэтом.

Эйдос жизни

Как просто верующим жить
и без сомнения служить
нерукотворному Творцу,
влекущему нас всех к концу.

Апокалипсис.

Он грядет.

Да, мир сегодняшний умрет,
но эйдос жизни будет жить.

Ему и следует служить.

Годы - года

Отшумели воды.

Схлынула вода.

Пролетели годы,

но...грядут года.

Тому воздастся,
кто соединит
мир ересей
и мир желанных догм,
кто в прожитой расплывчатой тени
отыщет ключ в грядущий экодом.
В нем в каждой келье -
личное очко,
чтобы смывать свой собственный понос,
в нем личным узко щелистым зрачком
интерферентно будет зрим прогноз
того,
что сбудется
со всеми и со мной,
того,
что станет кладбищем ума,
того,
как развернется шар земной -
мои хоромы
и моя тюрьма.
Наступят в прошлом,
будущем ли дни,
когда зерном
мой разрешится тлен,
и новый Вождь мечтой соединит
всех,
кто сейчас
не в силах встать с колен.

Мы не умеем расставаться
и даже с тем,
чего уж нет -
все помнится,
чего за двадцать
и вновь по двадцать дважды лет,
свои возможности не меря,
смогли изведать и познать,
вдохнуть, почувствовать, поверить,
а после...

все к чертям послать,
себе оставив для развода
не сами страсти и дела,
а подсознательное фото...,
чтоб память все уберегла.
Уже забиты все ячейки,
а мы, не очищая их,
плюсуем денежные чеки
и акции компаний - чьих?

Зачем?

Мы что - сыны Гобсека,
чтобы на дивиденды жить.
Замуровать бы дверь отсека,
куда б все прошлое сложить,
и вновь с наивностью ребенка,
чей мозг от предрассудков чист,
внимать,
как мир материй тонких
свой исполняет акафист.

Любите крыши, Буделяне.
Они подстать местам святым.
На этой городской поляне
растут подлунные цветы,
здесь звездный аромат весомей
и меньше гари будних дней,
луна, открыв свое лицо мне,
приветливее и родней.
Избавившись от груза тени,
ступаю смело на карниз,
бреду по царству сновидений,
не опасаясь рухнуть вниз.
Здесь лес антенн фильтрует вести,
плохие отгоняя - «кыш».
Давайте, буделяне, вместе
любить тепло подлунных крыш.

Таинство

Не все доступно разуменью.
Природа таинства хранит
как радиацию - гранит,
как сперму прошлую - каменья.
Пройдет один, другой зон,
воспрянут жизнью минералы;
но, видно, некий есть резон,
чтоб таинство -
не умирало.

В вагоне

Душно и тряско в вагоне,
стены трещат и скрипят,
и пассажиры
как кони загнанные храпят.
Мне бы на воздух из клетки,
в свежую звездную ночь;
время подобно рулетке -
не отпускает нас прочь.
В стороны брошены руки,
жаром пылает лицо.
Мы в заколдованном круге -
царствует ... колесо.

Сутолочь

Нет, не бывает у круга конца
Жизнь многолика
как дочь и старуха.
Понтий и Иешуа -
два близнеца,
вечная сутолочь
тела и духа.

Проблема круга

Инь -ян,
Ормузд и Ариман,
добро и зло -
как я и тень
неотделимы друг от друга.

Кто начал:
ветер или вьюга,
первичней что:
иль ночь иль день,
небесный свод иль океан -
О, вечная проблема круга.

Кроссворд

Взирая по ночам на небосвод
как в отраженье собственной души,
пытаюсь я в мерцающей тиши
свой динамичный разгадать кроссворд.
Но в перекрестье строчек и столбцов
не нахожу ответа для себя,
какое у истории лицо
и какова грядущая судьба.

Над моим изголовьем
на черном панно
журавли среди лотосов
машут крылами.
Может быть, это - мы
в том забытом «давно»,
перестав изъясняться друг с другом
словами.

Дрейф

Все реже и реже
я плаваю в озере слов.
Беззвучной листвою
усыпана водная гладь,
безмолвьем таясь,
глубина поглощает весло,
и лодка, запутавшись в лилиях,
в дрейф залегла.
Уста мои сомкнуты
горечью красных рябин,
ознобом травы,
испытавшей изморози гнет,
и сбоем в работе
моих кровеносных турбин,
всеобщей неясностью,
что же нас в будущем ждет.

Истаю

То, что слаще белого хлеба,
то, что выше звездного неба, -
горизонты моих желаний,
беспредельные дали души -
вырвусь к ним из бытийного склепа.

Мне грядущее тем уже лепо,
что в его сверхобъемном плане
ни о чем не придется тужить.
В параллель мировому стрелю,
перестав быть вчерашне-прежним,
я вольюсь в многоликую стаю
и фотоном любви истаю.

Дар

В любом из нас
есть чувственная сила.
Она, от нетерпения дрожа,
иных - в постель клала,
меня же - возносила
в незримые созвездья миража.
И оставляя в забвенье рассудок,
я ощущал распахнутой душой,
как тайный мир,
нам некогда чужой,
сплетая день и ночь как инь и ян,

в объятьях суток,
становится для всех землян
к их чувствам чуток,
даруя всем и мне
прикосновенье чуда.

Сюжет рыбацкий мне знаком:
я силы берегу,
а время - трачу,
слежу за отраженным поплавком,
надеясь не на труд,
а на удачу.

Пусть рыбка золотая принесет
не новую старуху, не хоромы,
не банковский валютный счет,
не виртуальный мир на сидироммах.

Мои желанья
во сто крат скромней,
мне более чем у других -
не надо.

Имущества и слаще и срамней
гармония с природой -
мне награда.

В ночи,
когда Человек
лучше видит самого себя,
скрипя,
ключи
отворяют дверь в Незнаемое.

Мое тайное -
становится явным,
случайное-
главным,
крайнее -
данным
в своей нужности.

В сущности
этим и занимается поэзия,
грезя
о несбыточном.

Но если быть точным,
то грезы -
это самая что ни на есть Реальность

Суть жизни -
не криальность,
а стремление к негэнтропии,
к утопии.

«Жизнь -
это и есть преодоление Утопий»*

*О. Уайльд

Мчась по кругу,
повторяю
наяву я и в бреду:
прошлого - не потеряю,
новое - приобрету.
Бифуркация - рождение
новой сущности -детей,
станет центром притяженья
и началом продолженья
древнемудростных идей.
Зло
как тень добра
отрину
и с орбиты сброшу вниз -
будет райская витрина,
а не суетная жизнь.
Но не стану манекеном,
повторюсь самим собой -
и в потомках будут гены
полновесной жить судьбой.

В юности -
жаждешь действовать,
в старости -
ищешь суть.
В рай на автобусе рейсовом
нас не отвезут.
Только лишь тропами горными
можно наверх взойти,
только виденьями горными,
только мыслями гордыми
можно себя найти.

Циклоида жизни
бросает то в холод, то в жар,
то-наверх,
то - вниз,
возвращая в исходную точку.
А мне - как попасть
на орбиту далеких Стожар,
стартуя фотоном с Земли в одиночку,
чтоб там,
задержавшись на несколько местных минут,
продолжить свой путь сквозь Галактики
дальше и дальше,
разорванный круг
превращая в спиральный маршрут,
не все понимая,
но вовсе не чувствуя
фальши.

Уходим-остаемся

В каждом из нас
есть поэт и художник,
сыты трудом мы,
а творчеством - живы.

Если уходим,
то прахом ничтожным
мы удобряем грядущего нивы;
но остаемся в земной ноосфере
замыслом нашего вечного ралли,
чтобы потомок,
в наш разум поверив,
дальше раскручивал
мудрость спирали.

Поставьте на могилу мне плиту
с изображением двойной спирали:
когда-нибудь
я вновь сюда приду,
пройдя сквозь все космические дали,
скажу потомкам:
Здрасте... вот и я...
Все повторимо...
кроме Бытия.

НАШ ПУТЬ

Арктида

Мы - из Арктиды.
Там ныне царит океан,
и лед как экран
глушит голос былой ойкумены.
О ней ничего не рассказывал вещий Боян,
о ней в «Житиях»
ничего не прочли игумёны.
И все-таки
вновь пролетая над этой страной,
я чувствую:
что-то
незримо в меня проникает,
в душе прорастает
лежавшее долго зерно,
и листья и корни
истоки и устье смыкают.
Когда-то
отсюда, из этих первичных краев
как птицы на юг,
в неизведанность мы устремились,
нас гнал
любопытства извечный таинственный зов,
мы счет не вели
позади остающимся милям.

Пройдя сквозь Сибирь,
разбрелись вдоль Яксарт*- Сырдарьи,
арийским трудом
создавая сады и посадки.
В Урарту и Индии
древние наши цари
кормили людей
освященным кусочком прасада**.
Позднее пасхальным назвали его куличом,
вобравшим и душу и плоть от далекого предка,
с которым в едином слиянье
плечо о плечо
живем,
вспоминая свое изначалие редко.
Другая же ветвь наших предков,
пройдя сквозь Таймыр,
ушла за Урал,
поселясь в скандинавских фиордах;
а рядом
лениво лежал атлантический мир,
разбуженный много позднее
моторами Форда.
На новой волне
повернули норманны на Русь,
туда же
с востока проникли арийские россы.

* Яксарт - др. назв. р.Сырдарья

** прасад - священное кушанье (санскрит)

Так кто мы:
славяне иль тюрки -
сказать не берусь,
одно только знаю:
сродни нам
морозы и росы.

Но Родина - это не дом, где рожден человек,
а край,
где мы предками нашими
зачаты были.

Как будто морзянкой вещает не новый Певек,
а шлет нам Арктида
свои изначальные были.

Прародители

Лемурийцы и атланты -
фотороботы идей,
эфемерные гиганты -
прародители людей.

Вы - реальные химеры,
первопахари Земли,
из далекой ноосферы
сущность Ното принесли.

Пусть у вас иное тело,
третий глаз горит во лбу,

вы

подвигнули на дело
всю звериную толпу.

Вы

структурой укрепили
хаотичный род людской
и народы наделили
страхом, радостью, тоской.

Увлекла нас суть земная,
праисторию затмив -
мы все реже вспоминаем
тот космогеничный миф.

Отрешившись от мистерий,
чтим лишь нынешний момент.

Но когда-то в новой эре
наш затонет континент,

и цепляясь друг за друга,
будем в новый лезть ковчег,
чтобы по большому кругу
возвернуться в новый век.

Катаклизмами убиты,
вы оставили свой след.
Континентов новых плиты
стерегут вас много лет.
Уберечь вас, ох, непросто -
душу звездам передав,
под луной
большого роста
зреет скопище из трав.
В стеблях горестной полыни
дух ваш - жалом из змеи.
Предо мною вы и ныне -
прародители мои.

Встреча поколений

Закрыв глаза от внешних впечатлений,
я вижу, что живет внутри меня –
возможность встречи разных поколений –
от космоса до... кетменя.

Над полюсом
За окошком - белое наличье,
Арктики торосистая гладь.
Перед этим северным величием
невозможно ерничать и лгать.
Здесь узлом сошлись меридианы
над одною из полярных клемм,
и звучит космическим пиано
здесь начало всех земных проблем.
Время здесь не меряют часами,
компас от неведения затих.
Только я, опершись вниз глазами,
чищу белизной полярной стих.

Там, где стынут столетние льды,
где торосы
как кариатиды
держат небо,
под толщей воды
проступает дыхание Арктиды.

Бог,
Россия
И Я -
треугольник вопросов,
и пытаюсь найти
триединый ответ.
Средь небесных высот
и полярных торосов
затаилась История
в памяти Вед.

Чем дальше уезжаешь от Москвы,
тем глубже окунаешься в Россию.
И суета, к которой я привык,
стихает под небесной жаркой синью.
Умаян ширью костромских полей,
в тени лесов сусанинских блуждаю,
под колокольный звон монастырей
историю грядущим упреждаю.

Расстояния -
это связь
не между двумя точками,
а между явлениями,
протекающими во времени.
Расстояние между одиночками –
огромно.

Я не люблю возвращаться,
с прожитой тенью общаться -
лучше по кругу идти,
чтобы судьба обвенчала
завтрашний день и начало
пройденного пути.

Вязь

Хаос, расчлененный на монады, -
это ль не начало бытия,
это ль не родимые пенаты,
те, откуда вышли ты и я.
Долог путь, делясь и умножаясь,
группируясь в классы и ветвясь,
изгибаясь, но не унижаясь,
ткать живую мыслящую вязь.

Мы-прошли,
и человечьим роем
поднебесье все оплетено.
Что же дальше для себя откроем,
где прорваться в космос нам дано,
чтоб преодолев галактик тренье,
перейти стремнину Леты вброд
и узреть в четвертом измерении
точку возвращения вперед.

Черти

Где-то в земной тверди,
нанизанные на вертел,
проворачиваются черти
в образе нашей смерти.

Кто они -
дух наш праздный,
просачивающийся осмос
или осадок грязный,
не унесенный в Космос;
обликом с нами схожи –
как фотография в раме -
или иною рожей
выглядят в голограмме.
Им не помеха - порода,
нагроможденье камней,
такая у них природа
вращательного проникновенья.

С нами они играют
в односторонние прятки
и каждодневно карают
укором и кротким и кратким,
шамкают ртом беззвучным,
входят-уходят без трений;
с нами они неразлучны -
наши подземные тени.

Японские пророчества

Если небо померкнет -
луна осветит Фудзияму.
Если туча ночное светило закроет,
ты внутренним оком
увидишь дорогу к священной горе.

Горе тем,
кто внимая пророкам,
манны ждут
и мосты над ущельем не строят;
им мучительно нравится
в яме
быть до смерти,
а мне надо кверху -
скорей.

Ноттингем

Забвение воюет с черепицей,
и стены держатся в осаде лет.
Собор над городом
как каменная птица,
как связь времен хранящий амулет.
Как гулко здесь под сводами столетий
шагать по плитам мраморных могил.
Здесь крестоносцы выросли как дети,
и здесь их бог навек угомонил.

Под ногами - Париж
мокрым зеркалом вычурных крыш,
серой Сеной,
которая -
как ни пытай -
не откроет
на дне замурованных тайн,
Александровский мост
с золоченной когортой коней,
и солдатский погост -
пантеон знаменитых теней.
Я на верхней ступени
ажурного чуда стою.
подо мною -
по Сене
в белооблачной пене
времена молчаливо снуют.

Суровые скульптуры Вигеланда
мне истину открыли до конца,
что красота не в том,
насколько ладно фигура скроена
и светел цвет лица,
не в том, насколько поза нарочита,
не в целомудрии под фиговым листом.
О, человек,
ты в камне мной прочитан -
склоняюсь пред обычным естеством.

(г. Осло)

Гранитные люди сурового взгляда -
они охраняют свой жизненный ствол.

Их главным достоинством,
высшей наградой
и было и будет -
хранить естество.

Фаллос

Переплетенье обнаженных тел,
образовавших вздыбившийся фаллос -
безмолвные начало и предел,
что мифом и трудом воссоздавалось.

А ныне только северный гранит,
рукою человеческою выклан,
в себе все лики бытия хранит,
какими их запечатлел Vigeland.

Вот разъяренный мальчик копит гнев -
ему судьбою тяжкий рок положен,
а рядом пара безмятежных дев
душой резвятся, тел своих моложе.
И юноши - в преддверье трудовом,
играючи, наращивают силу.

В природном облачении рядовом
они равны Гераклу и Ахиллу,
но их удел - не подвиги, а труд;
не им поют воинственные трубы,

из памяти истории сотрут
их имена - безвестных лесорубов.
Но больше, чем героям, им дано
суровой правдой жизни насладиться,
и женщины - уж так заведено -
готовы с ними воедино слиться.
Блаженные Мария и Юдифь,
Надежда, Магдалина и Гертруда,
объятиями любви объединив
весь мир, вы - равно и порок и чудо.
Налиты груди радостью греха,
из каменных сосцов сочится млеко,
как полноводна женская река,
вспоившая потомкам человека.
И та река свивается в спираль,
то наверх нас возносит, то - обратно.
А на дворе - морозистый февраль,
и фаллосу под снегом - безотрадно.
Как безотрадна и сурова жизнь,
где мыслям недосуг, чего хотим мы.
Но друг на друга крепко опершись,
мы - в наготе духовной - побратимы.
И в этом - смысл любви и бытия,
где вдохновенно и чело и тело.
Нас - не разъять, гранитные братья -
соединяет нас и жизнь и стелла.

(г. Осло)

Ралли «Париж-Дакар»

Жжет солнце.

В ослепительном загаре
экватор сам себя пересекал.
Авто и мото мечутся в Сахаре,
стремясь достичь неблизкий Сенегал.
Искромсаны машины бездорожьем;
водительские лица - цвет песка -
от напряжения иконы строже,
в них одухотворенная тоска.
Неведомые здешние маршруты
и миражи сбивают всех с пути.

О, ралли,
ты берешь, пожалуй, круто.

Но цель одна:

дойти,
дойти,
дойти.

Олимп

Над облаками высится Олимп,
пустующий как лысина планеты.
Утратив двухтысячелетний нимб,
он сладок вкусом съеденной конфеты.
Отсель уже не разразится глас,
вершащий судьбы стран и человека.
Но смотрит в космос двухстороний глаз
из прошлого в канун иного века.

Дельфы

Три часа

и три тысячелетия

меж Москвой и греческими Дельфами.

Со-владельцы древнего наследия

мы живем над северными шельфами.

Здесь и нефть и газ - продукт истории,

мировые нынешние ценности,

а на южных склонах - фесмофории -

праздник разрешения от бренности.

Образ красноглазого Возничего -

древность смотрит в «ныне» с уважением,

исчезает накопление личного,

вечно только общее движение.

Полет над Колорадо

Кругом - заснеженные горы,
под нами - нежные поля,
летим воздушным коридором,
потокам воздуха внемля.

Игривый ветер нас швыряет
как легкий шарик вверх и вниз,
и чудится – проковыряет
сейчас нас каменный карниз;
но неожиданно взмываем,
сплетаясь с облаком в кольцо,
холодным потом умывая
разгоряченное лицо.

Пилот и тот - в изнеможении:
от здешних гор все можно ждать,
как от апачей,
в напряженьи
ковбойскую державших рать.

И солнце светит, и морозно,
и ветер воет как шакал.
Прошли века - но так же грозно
встречают горы чужака.

Над Альпами

Леса - в сиреневом мохере,
а выше - горы в черном фраке,
и в голубой небесной сфере -
вершин белеющие флаги.
Внизу - земельные наделы
озимой зеленью искрятся,
и речки жилками по телу
неведомо куда струятся.
Дома стреножены дорогой,
ползут машинные букашки,
все нарочито, чинно, строго
как иероглиф на бумажке.
Глаз каллиграфии внимает,
душа - увы - не принимает.

Тупоголосые венецианские колокола,
в отличие от муранского стекла,
соединясь с закатом рыжим,
бьют по ушам, по душам и по крышам,
всех призывая окунуться в ночь.

А мне невмочь.

Прошедший день
на душу бросил тягостную тень:
ведь пули, предназначенные мне,
еще летят в вечерней тишине.

(Венеция 04.10.93г.)

Горы - попутчики

В одиноком небе - неуютно,
мгла смежит понурые глаза.
Позади остался гомон людной,
чужеземный аэровокзал.
Не успел сказать я «до свиданья»,
горы закивали мне в ответ.
Бренность самолетного скитанья -
спутница моих последних лет.
Альпы - ненадежные попутчики,
мне - на север, а они - на юг,
и мелкокалиберные тучки
нас разъединили как-то вдруг.
Ноздреватость базельского сыра
переходит в серую квашню,
я лечу туда, где мгло и сыро,
встреч ночи и завтрашнему дню.
Будет утром нудное похмелье,
окунусь я с головой в бедлам,
вновь родное «эх, мели, Емеля»
свет и тень разделит пополам.
Но роптать я на судьбу не стал бы,
на прощанье хлопну по плечу
ставшие попутчиками Альпы:
кто - куда,
а я домой лечу.

Аз и Я-

Азия,

вместилище букв и лиц,
великое многообразие
забытых духовных столиц.

Меж Индом и Гангом,

в Тибете,

на Яве,

в Алтайских горах,

и в пагоде и в минарете
соседствуют разум и прах.

Не тело рождает идею,
не духом творим этот мир -
взаимным единством владея,
взмывает над степью Памир.
Экватор влечет по контрасту
сибирское скопище вьюг,
и Космос вручает по трасту
нам Азию - дочь свою.

Мы были, мы есть и мы будем -
сквозь холод космических зим,
и все континенты разбудим
гортанным дыханьем своим.

Качели

История - качели.
То с севера на юг
сгоняют нас метели
в объятья рек и рук,
то - курс сменив на четверть,
восточный третий глаз
в песчаной круговерти
на запад гонит нас.
Мы - скифы - киммерийцы
под именем алан
пытались умириться
с пространством пра-славян.
В союзе леса с полем
нас русью нарекли.
В свободе и неволе
в душе мы сберегли
п-Ра-родины дыханье
и росный запах трав.
Когда же иго ханье
и дань с себя содрав,
вернулись мы на Волгу,
то, глядя за Урал,
дивились мы: что толку -
сибирский ареал.

Но вслед за Ермаком мы
и шли, и шли, и шли,
как будто по знакомым
путям своей земли.
Иртыш и Обь осилив
и обойдя Байкал,
гортанно пробасили:
Вернулись.
Все. Привал.
Замкнулся евразийский
тысячелетний круг,
мы вымпел свой российский
не выпустим из рук.
И повернув к Арктиде
уставшее лицо,
в инопланетном виде
ждем встречи с пра-отцом.
История - качели:
то - запад, то - восток.
Добрались мы до цели -
грядет другой виток.

Второй век

А ты
оторвал от Земли,
от родной,
от зеленой
историю Человека,
осветил ее пламенем тайны
космической мглы,
наделенной
крупницами манны.
И это стало Началом
Второго Великого Века.

Прошло тринадцать тысяч лет
со дня Всемирного Потопа.
Мы где-то потеряли след
далекого Архи-антропа.
А он был цельным существом,
единым с духом и природой;
космическое естество
его наполнило при родах,
насытив праной кровь его
и одарив самосознанием.
Кого же в зеркале кривом
науки славим мы в осанне?
Мы принимаем часто тень
и внешний лик за человека;
нам недосуг, а может лень
познать, что кроется в сусеках,
познать все ауры-тела,
какими явлен он по сути,
какие ждут его дела,
каким законам он подсуден;
не все дано нам лицезреть,
не все и Разуму доступно.
Но тайна продолжает зреть
во человечестве всекупно.
Стремясь к Познанию, я учусь
в оккультной школе подмастерий;
в моих стихах все меньше чувств,

все больше логики мистерий,
откуда мы и что сей миг
в спирали мира означает.
Пусть то, что мыслью я постиг,
действительность - не развенчает.

ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

О, Рось!

Ты - оторви и брось.

И брошена

«жена поэта».

А мне-то

как с тобою врозь?

Я врос

в российские просторы,

тороидальность бытия

и яйцевидные раздоры,

дурман и сладость питья.

Я - твой насквозь,

о, Рось.

Когда рубили головы стрельцам,
стонал народ,
по всей Москве колокола звучали
и содрогался воздух от печали
тогда.

Когда рубили головы отцам,
наоборот,
«отцу народов» мы ура кричали,
мы двигались вперед,
и души наши как броня крепчали,
а нас ждала беда.

Когда рубили головы бойцам
в Афганистане,
мы, воды набравши в рот,
молчали,
молчать других послушных приучали,
не ведая стыда.

Когда рубили головы...

В моей крови есть что-то от тоски
по звонкому степей многоголосью.
И я, зажатый городом в тиски,
нередко извожусь пустою злостью,
что совместить сегодня и вчера,
и шум машин, и тихий шелест травный
нам не дано.

И лишь по вечерам
уйду в себя
я - с эхом
равноправный.

Люди - не будьте чайками,
не по делам крикливыми,
глупыми попрошайками,
кормящимися отливами.

Я люблю Россию
не за голос крови,
не за то, что в ней я был рожден,
а за то, что дружбой тех,
с кем был я вровень,
здесь с лихвою был вознагражден.

Прости, Отечество,
но мы сошли с ума,
пытаясь над историей глумиться.
Мы в гордости сумели надломиться
и знаменем для нас теперь - сума.

Сел я.
Грезы гор разучиваю.
Нераздумчивая
оторопь селя
у скал вызывает неверие.
Слышу сквозь двери я:
поток ярится.
Стариться
Отечеству
не хочется.

Не так уж много надо для России:
чтоб ей не помыкали господа,
и чтоб ее потомкам не грозили
ни свет горяч, ни стылая звезда.
Она сама найдет к себе дорогу
сквозь визг витий и «револьверный лай».
Но ты судьбы такой (взываю к богу)
уж больше никому не посылай.
Не каждому дано с такой обузой
справляться столько лет коренником,
тянуть наверх, с горы спускаться юзом,
в разливах бубенцового союза
«уж не жалея больше ни о ком».

С лекцией

А дождь многословен
как нудный оратор,
и капли бегут по стеклу, повторяясь.
Дремотно сопит и парит радиатор,
колеса утюжат кисельную грязь.
Мы едем в забытую богом деревню,
не знаю куда и не знаю зачем,
чтоб людям поведать о странностях древних,
о тонкостях старославянских поэм.
Не знаю, поймут ли,
вообще, соберутся ль.
Но... полная горница.
Стар здесь и мал.
И каждый не мне - своим предкам внимал.
Так капли дождя об историю трутся.

Тучи, словно черные грифы,
рвут сырое мясо земли.
Белых молний сломанных грифель
целит в сердце - смотри, не дремли.
Стань щитом, покрывалом, рогожей,
защити материнскую грудь,
чтоб к земли неизраненной коже
мог потом ты достойно прильнуть.

Морщины рек и ямочки озер,
лесов щетина и веснушки пашен -
безвременной рукою фантазер
нарисовал лицо планеты нашей.
Слегка припудрил пылью облаков
и раскидал как родинки селенья.
То я в портрет уверовать готов,
то погружаюсь в новые сомненья,
и хочется мне что-то поменять,
как будто в нем чего-то не хватает.
Тень самолета в воздухе витает,
и не хватает на земле... меня.

Мечется очередь.
Дефицит - в расхвате.
«Что дают?
Всем ли хватит?
Подойдет для меня
или дочери?
Почем?»
Стою последний.
«Вы здесь не стояли...»
- «Здрасьте...»
Жарко как в полдень летний.
Продают... страсти.
И мне бы урвать
хоть в три-дорога
одну дефицитную страсть -
ненависть к очередям
и тем, кто их создает.
Я бы послал к далеким чертям,
повториться при том не боясь,
тех, кому дорога
эта власть,
которая сама в очередь за мною встает.

Борясь со злом, начни с себя,
всему, что в мире есть дурного
и чем загажена земля,
всему ведь ты - первооснова.
Единый био-технопром
у всех у нас сейчас в почете.
Пускай творил ты и добро,
что толку в равнодушном счете.
Кичись не тем, что ты привнес,
а тем гордись, что не разрушил.
И потому звучит как «SOS»:
не оскверняйтесь равнодушьем.

Я пытаюсь на землю взглянуть
с воспаленных высот ноосферы -
не видна каждодневная нудь,
что сквозь щели, фиорды и шхеры
проникает как пенная муть
в нутряные душевные сферы;
не видны и наросты обид,
те, что вздыбили белое тело.
Тихо все, будто жизнь еще спит,
будто утро еще не пропело,
будто тяжесть кладбищенских плит
упокоила жертву расстрела.
Но сквозь липкий и хлипкий туман
продираются всполохи розни,
матереев всеобщий дурман,
строя всем и рогатки и козни,
защищая мошну и карман.
Жаль, что это - не светообман.

Златые главы -
в глубь небесной сини,
история - за зубчатой стеной.

Не всем из смертных
здесь побыть дано,
я ж еду в Кремль
на черном лимузине -
- Наследник всем вождям
и всем царям,
чей прах хранится и в стене
и в склепах,
их прошлый путь не повторяя слепо,
не стану их охаивать зазря.

Я и они.

Сравненье хоть и лестно,
но неуместно.

Время все мельчит
и дальше мчит.

Время, развернись
всемирным потоком,
раздень донага эти сытые толпы,
чтоб весь этот быт материальный -
скопом
и за борт,
дабы на дно поскорей он ушел бы.

Я верить хочу,
но не в тряпки и золото
не в сытый желудок
и модный бордель,
а в то, что сегодня
частично расколото –
в общность людей,
в человечью артель.

Я стою у московских ворот

Пусть входящий сюда не соврет,
что не ищет он чести и славы.

Я стою у московских ворот
пользы для, а не ради забавы.

И намерен не бога молить
о дарованном мне благолетье,
я пришел с москвичами делить
то, что спрятано ими в подклетье.

Там, в амбарах, в ломбардах, в скитах
между импортным видео-, авто-
мир, что прежде стоял на китах,
затерялся в обертках неправды.

Я обязан его развернуть
и отмыть от окалины ржавой,
остальное ж - тротилом рвануть,
чтобы свежесть возшла над державой.

Да, я мал, я ничтожен и слаб
перед сонмищем власти и смрада,
но сознание, что я - уж не раб,
а скорей гладиатор - награда.

Я сразиться пришел за тебя,
белоглавая пленница блуда.

У ворот твоих петли скрипят,
и не ждет меня с чаркою блюдо.

Дай мне бог ворота отворить,
и тебя и себя сотворить.

Дороги

Дороги, как свежие шрамы,
запекшейся крови полны.
Следы разыгравшейся драмы
и равнодушья луны.
Не сабель удары лихие
порезали землю вокруг,
не след вероломной стихии -
плоды человеческих рук.
Простите, дороги, я тоже
зовусь человеком не зря.
И я не всегда осторожен,
земные дороги торя.

Мы все и вся хотим сегодня,
мы все и вся хотим сейчас:
и очутиться в преисподней
и враз забраться на Парнас,
увидеть дали голубые,
душой блаженствуя, дремать
Но так нам тягостны любые
усилья вылезть из дерьма.

Кому судьба дает высокий рост,

кому - высокий сан.

И часто забирается прохвост

аж к небесам.

Я не завидую ему: придет пора,
гнилые яблоки, как должно, опадут.

Но не наелась б гнили детвора,
в чужих садах нашедшая приют.

Отражение

Луна, как круглая печать,

так выразительна, учтива.

Ей - ни за что не отвечать,

она - посредник словно чтиво,

она способна отразить

лишь солнца бури и знаменья,

но не дано ей возразить

против ответственного мненья.

Так говорливые стихи
при всей их пенистости строчек
лишь след тех яростных стихий,
что в сердце автора клопочут.

Из всех поэтов
только Маяковский
поднялся
как воитель
и поэт.

Но хочется,
чтоб кто-то стал с ним рядом,
а может быть и лучше -
впереди.

Отчего поэт тогда, в «Астории»
оборвал, не кончив, гамму лет,
видно, златокудрый амулет
потерял на виражах истории.
Потерял рязанский свой зачин,
убоявшись слова или дела.
Ты, молва, судьбою не владела,
так останься в нетях у личин.
Потерялся у России сын,
и березы ждут осиротело.

Среди скал
Я искал ответа:
как на старость
наложить мне вето.

Каким тебе вчерашний день
казался,
пока ты скальпелем к нему не прикасался
Каким тебе он кажется сегодня,
когда над ним покров забвенья
поднят?

Россия не может без веры
в родящую силу дождя,
в разумные высшие сферы,
всесильность царя и вождя.
Но вера никчемна без дела -
угасла, распалась, истлела.

Все это уже было.
Блевать былым больно.
Мало молока и мыла
очиститься и отмыться.
Лижет луженые лица
временем вытертый ветер,
беспамятно и безвольно
смирятся с смертью в Совете.

20.12.91г.

Россия цвета лета бабьего,
красивая, но преходящая.
В ней от великого до рабьего
перемешалось настоящее.

Я из той допутчевой эпохи,
мне с ее не сняться якорей.
Это только выпрыгнули блохи
на одежды нынешних царей.
Я не уподоблюсь насекомым,
что любую кровь готовы пить.
Руку жму «варяжскому» старпому,
что решил свой крейсер затопить.

Легко судьбу критиковать
и грудью о кулак свой биться,
задравши ноги на кровать,
над недостатками глумиться.
И в миллион раз тяжелей
убрать бревно с своей дороги.
О, критиканы-недотроги,
послать бы вас куда, ей-ей.

Всяк своею рукою
оставляет автограф земле:
Кто - правдивой строкою,
зерном на осеннем стебле,
городами своими,
или садом, шумящим листвою,
а кто жизни во имя
простой безымянной звездой.

Земля,
скованная кованным каблуком
в ком
тверже железа,
я возьму тебя в теплые руки,
и сквозь пальцы
ты вытечешь россыпью слез
по лицу моему.

Край ты мой березовый,

осень золотая.

Час заката розовый

красит неба синь.

Яркие цвета еще,

сила молодая -

даже в увядающем

шепоте осин.

Но не только красками

край мой чист и светел,

здесь не ждут с опаскою

худа от людей.

Может быть, красивее

есть места на свете,

но трудней, счастливее

нет земли моей.

Гроза

Прекратив свои смешки,
ветки напряженно дремлют.

Вдруг как с сажеею мешки
небо рухнуло на землю.

Все смешалось,
все прижалось,
а гроза разбушевалась,
и не в шалость.

Струей из помпы
с грохотом бомбы
пошло хлестать,

блистать

вкривь и вкось
как аллюр два креста.

Город мокр насквозь.

Мокрота черна.

Мокра чернота.

Все равно - не та,
пред которой живое сдается.

Остается

(и в этом вся мудрость),
остается надежда на утро.

Глаза щекочет утреннее солнце,
и шум прибоя ластится ко мне,
и разъедает лень меня как стронций,
струящийся из скопища камней.

Мы тянемся к земле сквозь облака,
как будто ждут нас здешние блага,
а нам навстречу - в оспинах поля
и руки рек раскинутых болят.
И только золотой телец в ходу.
Земля, земля, ты - грешница в аду.
С последним криком выдохнула «SOS»
и замерла под тяжестью колес.
Я приземлился, я к тебе пришел,
припал, но пью и слезы, и рассол,
я по твоей груди опять топчусь,
но чувствовать тебя еще учусь.

Между вчера и сегодня
завтрашний день разгляди,
чтоб не затерся средь льдин,
чтоб его ветер не отнял.

Я иду по прямой
сквозь слова,
сквозь дебаты и распри.
Шар земной
мною взлелеян и распят.
Я тебя не отдам
на забвение громким словам.

В. Чивилихину
(после прочтения «Памяти»)

В моей крови соединилось
степенство древнее славян
и прыть, которая не снилась
лихим дядьям из-под Саян.
Нет, не стыжусь своих я предков,
ни вятичей, ни кипчагов,
хотя любой из них нередко
друг друга был загрызть готов.
Продукт народов и столетий,
я чту историю земли,
где все мы есть и будем дети
одной вобравшей всех семьи.

Русь -

страна дураков и героев,
белых див и костлявых кликуш.
Под своей шелудивой корою
ты таишь обаяние душ.
Душ, проникшихся силою духа,
полускрытого в чреве икон
и текущего грозно и глухо
по Руси испокон.

Россия сподоблена белой вороне
среди черных сестриц,
разжиревших на падали.
Другие служили тому, кто на троне,
а мы пред распятым юродиво падали.
Бумажный колпак
и алмазы в короне -
не надо ли душу,
не надо,
не надо ли...

О, древняя и благостная Русь,
тобой горжусь и за тебя боюсь -
не преломись пред страхом бытия,
пусть воспарит над ним душа твоя.

Да обрящет...

Не топчитесь на пепелище,
не топчите ушедших прах.

Да обрящет тот,
кто не ищет
в страшном прошлом
свой нынешний страх.

Мы - язычники.

Зычен голос наш,
нашпигованный плачем и матом.

Сочен цвет витражей,
выражающих идолов раж.

Точен глаз,
различающий кажинный атом
в темном спектре
людей и молекул,
коллективно вершащих вираж.

Мы - язычники.

Сызнова
возвращаемся в лоно природы,
одолев завлекающий голос креста.

И неистовость наша
похожа на шум непогоды,
одержимой огнем
как запальчивая береста.

Станем землю будить
громовыми басами,
аметистовым шепотом
зори ее сторожить.

Наша ярость слита
с яросветными небесами,
в их суровых и нежных объятьях

нам - язычникам

выпало жить.

Россия - это не страна
и не большая нация,
она - единственно верна
как космоэманация
на евразийский ареал,
арийское сообщество,
на тех,
кто сердцем воспринял
космическое отчество.

Под общим небом
степь и лес,
и рось и русь
повенчаны,
и идол
превратился в крест
в круговороте вечном.

История

Во все времена революций
одни плюются:
Ужас!
Другие, тужась,
орут:
Виктория!
Затем вразброд кричат...
наоборот.
Но это и есть -
История.

Россия мнит себя
беременную бабой.
Ей хочется Пророка породить,
чтоб мог в соперничестве
с европейским Папой
Храм Божий на земле соорудить,
и на кресте, развернутом к Востоку,
распято было б Мировое Зло,
чтоб вопреки вселенскому потоку
нас мимо сытой бездны пронесло.

Надежда - есть,
ничтожна - вероятность.
Но верую наперекор уму -
и я,
вдохнув земную необъятность,
в грядущем
роды Матери приму.

Крест

Не всегда нагота -

красота, иногда -

это жалкая голость.

Созерцанье мое раскололось
об округлость и углость креста,
на котором распяли Христа.

Крест - топор,

он же - лобное место.

Где конец -

там начало пути.

Жизнь -

всегда неизбежное «престо» -

просто надо идти и идти.

Круглых башен, шпилей остроглавых
на земле под крестами - не счесть.

Не для роскоши, не для забавы,

а во имя неведомой славы

отдают небожителям честь.

Небо-

голо, наго, некрасиво,

монотонно спесиво-плаксиво;

и прочерченный абрис креста

разделяет меня и Христа.

То, что близко -

всегда непохоже

друг на друга.

Им слиться - потом.

Но не надо в прокрустово ложе

умещать идеал и фантом.

Все вечность
Звезда и крест -
пятиконечны.
Одноконечна - суeta.
Кровава вера,
но свята,
а жизнь
как Млечный путь
все вечна.

Россия:
березы и росы,
курносые лица девиц,
кресты и дубы стоеросы,
упавшие ниц.
На куполе
голуби гулко
клюют глубину.
А души - в плену,
как звезды в шкатулке.
Россия - большая изба,
дающая кров постояльцам.
От участи вечных скитальцев
избавь нас, о боже,
избавь.

Российский этнос

Нас было много -
очень разных,
равно трудящихся и праздных
и молчаливо - языкастых,
но не делились мы на касты.

Мы-
что умели, то имели -
Фомы, Иваны и Емели
пахали, верили, хмелели
хоть в черном теле -
светлом деле.

Мы евразийские просторы
не прятали по личным норам,
не веря черту и попам
и степи ставя на-попа,
мечтали в Космо-дух попасть
или на поле брани пасть.

Неважно,
росы иль славяне,
варяги, половцы иль тюрки,
мы - по натуре - россияне,
а по призванью - демиурги.

Человек -
как витязь на распутьи:
вспять не повернуть -
дороги нет;
впереди -
крестов церковных прутья
сплошь изрешетили белый свет;
слева -
как бетонные курганы -
атомных могильников гряда;
справа - все в названиях иностранных
и в чужой рекламе города.
Так куда же Витязю податься,
чтоб остаться на родной земле -
надо,
очень надо попытаться
кое-что переменить в Кремле.

Я вырос
в те - иные времена,
когда звучало «мы» весомей «я»,
когда была великая страна -
одна неразделимая семья.
Я вырос,
но, увы, не сохранил
союз серпа и молота.
Теперь
орел державный голову склонил
пред теми, кто распахивает дверь.

Душно

Жизнь -

такая шалая - шальная,
верховодит в ней нагая наглость.

Притаилась истина больная,
некому поставить ей диагноз -
то ль гипертрофирована частным:
собственностью, мнением, отношением
и пренебрежением к несчастным,
чей удел - всегда быть в роли тени;
то ли надорвалась от натуги -
загрести все непомерным разом,
променяла на рубли и штуки
и Соборность русскую и Разум.

Душно в меркантильном мире - душно,
хочется на вольные просторы,
где из общей миски ели дружно
на привале, подымаясь в горы.
Там, забыв про личные невзгоды,
радовались общим мы успехам -
это были золотые годы
трудного пути к желанным вехам.

Неупокон на нашем водоеме,
как будто он - на всех семи ветрах.

Надуты паруса, забыв о дреме, -
на яхтах, а зимой - на буерах.

Казалось бы,
настроа руль по курсу,
до цели ты в два счета доплывешь,

но...

разночинцы взбунтовали бурсу,
и хаосом стал Бог и Царь и Вождь.

Перемешались ветры и теченья,
схлестнулись алый с белым паруса,

затягивая нас в круговерченье,

затягивая туже пояса.

Мы мечемся на острие циклона:

то ль ввысь взлетим,

то ль камнем канем вглубь.

Кто выплывет, тому звезда - корона,

кто нет, сам виноват, -

был, значит, глуп.

Но есть и в глупости великое знаменье

оставив этот мир, войти в другой,

где ты -

начало у-миротворенья,

где многократнейший

не-у-покой.

Над Крылатскими холмами - синева,
над Москвой-рекой - высотные дома,
и нахохлилась антенна как сова
в ожидании событийного дерьма.
От нездоровья - душою я обмяк,
молча зрю на тротуары с этажа,
где троллейбус как закормленный хомяк
торопящимся народом пережат.

Все спешат,
стараясь время перегнать,
забывая, что оно -
у всех свое,
что оно как тень нас тянет вспять,
в омут жизни, замутненный бесовьем.

Подними ж глаза
от долу - к небесам,
скинь скорей с себя лохмотья суеты,
ведь Земля -
не мастерская нам,
а храм,
где по-детски нужно верить чудесам,
чтобы стало должным:
исцелися - сам,
дабы - грешный -
стал святее бога ты.

На яру

Сосны словно казацкие пики,
на яр взгромоздясь,
берега охраняют
от ползущих по склонам туманов
Край мой дикий,
с тобою крепка моя связь -
здесь деревья и люди не знают
ни подкупов
и ни обманов.

Утро

Морозы, прогнозы и слезы
смываются в давние сны.
Пора.
Набухают березы
живительным соком весны.
Я пью эти вешние росы
воды молодящей взамен,
мне тесно в объятиях прозы -
хочу и могу перемен.
К нам утро приходит с востока
сквозь всю россиянскую ширь,
и радует сердце и око
страна моей жизни -
Сибирь.

Сибирь

Велика Сибирь.
Куда глаз ни кинь,
беспредельна - ширь
и бездонна - синь.
И плывут над ней
облака-года.
На закате дней
я вернусь сюда.
Лягу ли на дно
иль скачусь в отвал,
ведаю одно -
что не предавал
ни родимый край,
ни мечту свою.
Голос мой, взиграй -
я Сибирь пою.

Кудлатая Россия

У неба - розовые крылья
и голубиная спина,
под ним - в вертепе
камарилья
сумела землю испинать.

О ты, кудлатая Россия,
страна доверчивых берез,
пошто, отдавшись, не спросила,
кто Он.

Потом заголосила.
Был твой насильник - не тверез.
И лежа под бездонным небом,
ты плачешь горькими слезьми,
когда осталась аж без хлеба -
на - мою порцию -
возьми.

Я об одном тебя прошу лишь -
не торопись в ночной канкан,
где сутенер и страстный жулик
захлопнут за тобой капкан.
Стряхни с себя всех паразитов,
живи, моляся и трудясь,
испей из солнечного сита -
и пусть к тебе
не липнет грязь.

Можно ли...

Можно выкачать нефть из пробуренных скважин

и кедров извести на дрова,

а затем загулять в заграничном вояже

и здоровье - не надорвать.

Можно - землю пахать

и за кульманом - верить,

как в металле проект оживет.

Можно жить воровством и разбоем

как звери,

чтоб набить и кошель и живот.

Можно - всех костерить,

дерьмократов и «наших»,

вспоминать благодатный застой

и вокзальный сортир,

что до-нельзя загажен,

и прилавков до блеска пустой.

Можно злиться на то,

что дала перестройка

лишь один кровотокающий пшик,

и помчалась ухабисто русская тройка

на чужбину в безвестный тупик.

Можно ждать,

что же дальше случится на свете,

обращаясь в мольбе к небесам.

Можно...

Нужно ли...

Каждый пусть честно ответит

на извечный вопрос

себе сам.

Сегодня

Плаксивый дождь тревожит тишину,
и капли слез смывают с листьев бремя

А я все время чувствую вину
за то, что допустил такое Время.

Уносит ветер отголоски дня,
и в сумерках скукожилось Сегодня,
а Завтра - отнято...

не только у меня.

Страна - одна большая преисподня.

Нас не спасет простое Ремесло,
тупик - влачиться по заклатью круга.

Где каждый - сам,
там прорастает зло,
пока плечом не подопрем друг друга.

Вопрос ребром:

как быть?

Не прост ответ.

Рублем нельзя купить
того, что нет.

А нет былой страны
и прежних грез.

И мысли, что стройны,
теперь - вразнос.

Пред грозой

Загорелись у радуги крылья
и дрожит в напряженьи дуга.
Грозовую насыщена пылью,
атмосфера до боли туга.
Без пророчеств и Ванды и Глобы
ясно: вскорости лопнет струна,
вздрагнет мир.
Но хочу, чтоб без злобы
и без крови омылась страна.

Гроза

На голубом небесном поле
навстреч друг другу как враги,
сорвавшись с черного приколья,
метнулись молний остроги.
И все, ярясь, заголосило
и заметалось взад-вперед.
Какая бешеная сила –
и так бездарно душу рвет.

Воронье не поделило падаль,
раскричалось как базарный грай.
но пришел с совковою лопатой
дворник...
и убрал вонючий рай.

Малиновое солнце
ласкает горизонт,
и утренние тучи
в его объятьях тают,
а я беру с собой в дорогу зонт -
с погодой нашей всякое бывает.
То - тишь да гладь,
а то - гудят ветра,
жара
сменяется вдруг снегом небывалым
О, переменчивость -
извечная черта
российской жизни,
и в большом
и в малом.

Взметнулись в небо
стрелы колоннад
над
хладом
застарелых площадей.
Мы - разминулись:
непо-
гребенный на Пискаревском
Ленинград
и Петербург
как петролатум наших дней.

На солдатском кладбище

На могилах оседает снег,
оголая мраморные доски -
силится усопший человек
дотянуться до колен березки;
и она пытается помочь,
ветки как ручонки простирая -
ждет отца с войны родная дочь...
... Но молчит в ответ земля сырая.
Ты казенной истине внимли:
все мы будем памятью и тенью,
чтоб в утробе матери - земли
быть готовым к новому рождению.

23.02.98.

Проснись, Русь

Даже в самые вялые годы
ты всегда неутешной была,
восполняя нехватку свободы
ощущением мечты и тепла.
Пусть ошиблись твои демиурги,
подведя тебя к красной стене,

ты-

себя не теряла,
и в жмурки
не играла меж чуждых теней.

Ты, горюя,
себя уважала,
у тебя было что-то свое,
а сегодня от сытого жала
потеряла себя самое.

Ты пошла по рукам -
недотрога,
звездный свет над тобою погас,
и ухабистой русской дорогой
биты вдребезги
«Вольво» и «Газ».

Русь, проснись,
оглядись хорошенько,
сбрось ты с плеч паутину словес,
тяжело,
но взойди по ступенькам
к изначальному лику небес.

7.11.94г.

Так на Руси заведено:
коль повод есть -
не медли сборы,
пусть по губам течет вино,
а на закуску - разговоры.
Так размягчается душа,
ей хочется вокруг излиться.
И этой аурой дыша
перестаешь стенать и злиться;
и ощущая живость лиц,
стряхнувших дел оцепененье,
заботы оседают ниц
и возвышаются творенья.
И начинаешь понимать,
обняв соседку иль соседа:
не зря рождает в муках мать,
даруя жизнь как чудо света.

Рождественская ночь -
начало всех начал,
по крайней мере, нового завета.
Мороз обмяк,
и лишь маразм крепчал,
и не несет надежды луч рассвета.
О, сколько фарисейства нынче в нас:
одной рукою молим покаянье,
другую - в тот же день и тот же час
несем мы людям смертные страдания;
чем меньше тех - неверных на земле,
тем более Христа-младенца славим.
Когда же окопавшихся в Кремле
в далекое небытие мы сплавим?
Не надо мне гнусавеньких молитв,
сопровождаемых снарядным свистом.
Чтоб не было на свете больше битв,
останусь-ка я лучше атеистом.

7.01.95г.

*При закладке храма Христа-Спасителя
во время Чеченской войны*

Извините

То же имя у реки,
те же камни пьедестала,
но худою память стала -
извините, старики.

23-е февраля -
день советского солдата -
отмечала вся Земля.

А сегодня - что за дата?
День защитника. А кто ж
засадил нам в душу нож?

От кого ж нам защищаться и кого нам защищать?

Старики идут прощаться - но не надо нас прощать

Мы - широкая душа, и в Отечестве своем

что не продали -

пропьем,

чтобы дрыхнуть, чуть дыша,

в норы схоронив мешки.

Извините, мужики...

23.02.95

В. Листьеву

Факт убийства.

Изливаюсь желчью
на судьбу, на киллеров, на власть
и пытаюсь покаянной речью
в рай помочь Душе его попасть.
Но в раю Она - не приживется
с теми, кто давно обрел покой,
потому к глазам потухшим жметя,
сяясь в них вдохнуть
порыв благой.

Не надо пламенных речей,
не надо плачущих свечей -
он нем и глух - уже ничей,
принадлежа всецело богу.
А нам осталось только боль,
сопровождающая роль,
и в подсознании - изволь
торить извечную дорогу
по каменистой целине,
где каждый шаг тяжел вдвойне,
поскольку общий груз - на мне.
А воздух - завистью отравлен.
Не защитят торосы дел,
но ты иди - покуда цел,
хотя оптический прицел
и на тебя уже направлен.

01.03.95г.

Колокола

звонят российской ширью,
разносит ветер звоны их окрест,
они плывут над Волгой и Сибирью,
услышит их и Магадан и Брест.

Над всей страной,
и нынешней и прежней,
разносится грядущий благовест,
и осеняет лоб в надежде
грешный,
целуя свой подзаржавевший крест.

Вещают звоны,
что придет мессия,
возглавит наш всеобщий крестный ход,

Ему

доверит души весь народ,
и оживет недужная Россия.

Тротуары устали от мата,
от окурков, плевков и дерьма,
от преступного автомата,
по которому плачет тюрьма.
Им бы ливнем обильным омыться
и зеленой травой прорасти,
чтоб злосчастная наша столица
облегченно вздохнула:
прости.

Вспрянь

Стынет от стога стена,
страстно струится струна -
стыдно так стадно стенать,
сонно-срамная страна.

Смяла себя ты сама,
за спину вскинув суму.

Снегом заносит зима
санные слезы - следы.

Вспрянуть сумеешь ли ты,
славной и сильною став,
снова себя осознав
сродницей своему.

Прости

Я не верю
ни в Христа, ни в черта,
в силу денег, в лозунги-слова,
ни в любовь какого-либо сорта,
в мысли, что рождает голова.
Я не верю в братскую обитель,
что пропахла дармовым добром,
и тем более,
когда святитель
окропляет собственный мой дом.

Я не верю
в завтра и в сегодня,
да и к прошлому доверья нет,
будто кто-то свет небесный отнял
и зажег мне отраженный свет.
Но сквозь мира тусклую завесу
я не верой,
а умом пробьюсь
в ту страну, что много старше Зевса,
где Перуном пестовалась Русь.
Именно оттуда все мы родом.
И мне жаль языческих потерь,
жаль утраты матери-природы,
что предсмертно шепчет:
верь мне, верь...
Я встаю пред Русью на колени
и шепчу: родимая, прости,
пусть не в этом -
в новых поколениях
ты себя сумеешь обрести.

Реквием на День Победы

Озарена Москва огнями,
и триумфальными конями
тьнь славы прежней пронеслась,
в грязь ввергнув нынешнюю власть

Еще лежат в глухих болотах -
одна береза на двоих -
артиллеристы и пехота,
моложе сверстников своих.

Еще не все взорвались мины,
не все траншеи заросли,
а ... эти..., греясь у камина,
землею русскою трясли,
ее меняя на банкноты,
стараясь не продешевить.

И пели реквиема ноты:

О Русь, ты будешь,
будешь жить.

Русь почернела от запоя,
лишь березовые колки -
так у поднявшихся с забоя
шахтеров
светятся белки.

Во глубине души народной
хранится пласт чернопородный.
Лишь выдав уголь на-гора,
мы обожжем теплом друг друга,
не отдадим как юнкера
родную землю на поругань.

У России нет величины -
лишь неизмеримое величье,
что хотят двуглавые чины
растоптать и растащить по-птичьи
Не пытайтесь нас перекроить
и привить нам чуждые манеры,
не умеем в одиночку пить,
только - на троих...
да чтоб без меры.
И работать можем -
для души,
а совсем не ради жалких денег,
потому и платят нам гроши
телеобозначенные тени.
Но... не надо нам судьбы иной,
не засыпать души пятаками,
не торгуйте нами и страной -
не считайте всех нас дураками.

Облака улетают на юг,
колокольные звоны - вослед им,
покидая родимый уют,
расставаясь с рябиновым летом.
Там, в краю чужеземном, тепло,
солнце, фрукты, цветущие розы.
Но не спрятать в чужое дупло
свою душу от здешних морозов.
Я на этой земле остаюсь,
мне на бегство наложено «вето».
Здесь сквозь зимнюю стужу дождусь
возвращения весеннего цвета.

На фоне вечерней светлыни
ажурные мачты опор
как новые наши святыни -
бездущному небу укор.
Несут они свет настоящий
взамен угасающих дней,
и вот над Россией вящей
зажглись мирриады огней.
Не спят в городах и селеньях,
продленкою тянется жизнь.
Моим, а не божьим, веленьем
наземные звезды зажглись.

Над брэнною планетой
на бреющем полете
надтреснутые мысли
свершают виражи;
цепляясь друг за друга,
сплетаются в тенета,
ткут ауру земную -
энергомиражи.

А те - живут как волны,
рассеиваясь вольно
или сбиваясь кучно
в сверхплотные слова.
Слова рождают дело,
дела рождают тело,
тела рождают мысли,
и кругом - голова.

Мысль измерима в эргах,
а в джоулях - работа,
и аура весома,
и масса льется в свет.

Жизнь - вечная разборка:
кому, зачем и сколько.
И плодоносит сома*,
даря иной Завет.

* сома - (греч) тело, не имеющее половых клеток.

Объявляются общие выборы.
А мне хочется всех выпороть -
ну, опять мы развесили уши,
затыкая и ум и души.
Вновь нас кормят гнилою морковью,
обещая житуху коровью,
обещая теплое пойло,
хлорофосом промытое стойло,
чтобы всех хорошенько выдоить,
а потом на говядину выдавить.
Не хочу быть мясистой тушею -
я свой голос внутренний слушаю,
он мне шепчет - будь человеком
наравне с XXI-м веком,
поверни к меркантильности спину,
знай, что мир уподоблен спину -
мысли взвихрены вечным кручением,
подымаясь к высотам вечерним.
Там, где звезды сливаются с небом,
там, где я ощутимо не был,
там, где дух свой оставил Визбор -
в горних высях -
российский выбор.

03.07.96г.

Естина

Выхожу из дома я -
а за углом
осень златотомная
грезит о былом.
Красный лист осыпался,
желтизна - как СПИД.
Суею надывался,
город нервно спит,
и заботой дольною
взгляд его потух -
синей колокольнею
вверх стремится дух.
Над холмами грязными
молит крест грехи,
посулами прясными
на бедность -
с чужой стрехи.
Но рассветно-алое
солнце-пламень жжет,
стылое-усталое
небо чуда ждет.
Вновь фатой невестиной
облеклась река,
чувствуется -
естина
высшая рука.

Числа - это отзвуки небес.
Единица - голосом гобоя
ввинчивается словно бес,
то являсь царицей, то - рабою.
Парным сочетаньем инь и ян
всякое движенье сотворимо.
Птица-тройка будит россиян
бубенцовым отголоском Рима -
мчимся мы на резвых вороных,
сиротами оставляя хаты,
и на все четыре стороны
рвутся колокольные набаты.
Падают наземь колокола
с пятиглавых золотых соборов,
и звезда на пять углов легла,
заглушив сомнения и споры.
Но в полночной русской тишине,
захмелев от звездного сиянья,
я склоняюсь на плечо к жене
и шепчу бесчисленные признанья.

ТОБОЮ ОБРЕТЬЯСЬ

«Ш'ерше ля Фам»

«Ш'ерше ля Фам» - как часто эта фраза

доказывала истинность свою.

Лишь Ева укротила дикобраза,

легла к нему в послушную хвою.

Был Дон Кихот обязан Дульсине

отвагой и комичностью своей,

а Лауре Петрарка, не старея,

сонеты пел как курский соловей.

Пусть все поминали мать вашу,

но в час житейских праздников и склок

ведёт сквозь нас Толстой свою Наташу

и Незнакомкою пленяет Блок.

Мы образ женщины вносили в жизнь как знамя,

ему молились в тёмной тишине.

Своим рождением я обязан маме,

устойчивостью жизненной - жене.

Ты - мать моих детей и вечная подруга,

вы - женщины, чьи лица я люблю,

собой замкнули бесконечность круга,

в котором я себя за хвост ловлю.

Ты - женщина, судья моих поступков,

но ты же и первопричина их.

Твой образ и восторженно и хрупко

несёт в себе мой угловатый стих.

Ты - фея добрая, а может, ведьма злая,

ты - изначально делу и словам.

Доподлинно и истинно я знаю:

всегда, везде, во всём «Ш'ерше ля Фам».

Надоело щетиниться копьями,
бить в набат и пожары тушить.
Мне прильнуть бы к чему-нибудь
тёплому
вроде женской души.

В рамках моего воображенья
твой портрет среди всеядных дел -
северного неба отраженье,
где не ощущается предел
времени и чувствам и пространству.
Вскинув кверху горизонта бровь
здесь взамен скупого постоянства
неизменно буйствует любовь.

(Незнакомке)

Ты похожа была на мадонну
с картин Рафаэля:
этот взгляд, отрешённый от вечной
земной суеты,
и улыбка в душе, от которой
глаза подобрели,
и печаль на лице - отраженьем
твоей красоты.
Я стою и люблю, как много
прекрасного в мире.
Как его оценить? Да и надо ль
его оценивать.
Говорят, существует, всего
измеренья четыре,
красоту ж не измерить.
Её надо сердцем понять.

Я так хочу свои стихи прочесть
той неизвестной женщине планеты,
которой незапятнанная честь
влечёт меня на новые сонеты.

Нерастраченную нежность,
недопетые слова
брошу под ноги небрежно.
Пусть все топчут. Трын-трава.

Ветка осеннего золота
не в дорогом хрустале,
а в вазе с краем расколотым
стоит у меня на столе.

В оправе она не нуждается.

Как дорогой бриллиант -
памятью нашей огранится.

Памяти той - я гарант.

Даже отколотым краешком
стану всегда дорожить.

Если ты будешь не рядышком,
значит, во мне будешь жить.

Я тебя тыщу лет не видал,
все бессонные прошлые ночи.

Не от дел я обычных устал.

Оттого, что хотелось мне очень

по бульвару каштанам вослед
прогуляться под вечер с тобою

и желтеющих листьев букет
подарить как кольцо золотое,

а ещё я хотел не во сне -

наяву целовать твои губы.

Пусть тебе не покажется глупым:

листья жёлтые - это к весне.

Не суди меня ты слишком строго.
Я мечусь, наверно, оттого,
что стою у самого порога
запертого сердца твоего.
Я стучусь, слова к двери роняя,
для разбега вдаль я отхожу.
В чём-то виноват, но в чём - не знаю,
оттого стихами исхожу.

Я не люблю, когда меня не любят.
Я не люблю, когда меня не ждут.
До полусмерти пусть меня отлупят,
но только равнодушьем не убьют.

Я вернулся к тебе незапятнанным,
но уставшем слегка от стихов.
Пусть судьбы приговор непонятен нам,
всё, что выпадет, взять я готов
и не стану себе оговаривать
ни особых условий, ни прав.
Чтобы тёплым держать жизни
варево,
чувства все надо сжечь на дрова.

Я устал, но об этом не знает никто,
оттого, что мне всё достаётся легко:
И работа моя так как надо идёт,
и любимая женщина рядом живет.
Безмятежность все чувства сотрёт в
 порошок,
 будешь ползать потом,
 собирая по крохам.
Если в жизни у нас всё всегда хорошо -
 это... плохо.

В тебе сегодня женщина проснулась -
 ласкаешься безудержно ко мне.
Как будто плазмой к сердцу прикоснулась,
 сожжешь, будь оно даже из камней.

Если потом о любви сожалеешь,
 значит, любовь не была таковой.

Не смотри на меня
столь пронзительным взглядом,
Я тебе не откликнусь
стеклянной душой,
давшей вечный приют
столь же вечным наядам,
среди которых брожу я
живой, но чужой.
Ты разбей ненавистное
мне Зазеркалье,
вызовь душу мою из стеклянных оков.
Чтобы грани её от любви засверкали,
чтоб земля ощутила всю силу подков.

Орган молчал.
Лишь скрипки ликовали,
никто им не мешал
плести музыки вязь.
И сквозь завесу звуков
пламенный Вивальди
в сегодня смотрит, плача и смеясь.
В тон мадригалам,
флейте и фаготу
дышал Италии далёкой аромат,
и согревал меня в морозную погоду
под звуки скрипок чей-то южный
взгляд.

Я наставил месяцу рога,
у него похитив из гарема
ту звезду, что небу дорога
как короне царской диадема.

Я похитил, песней заманя,
и звезда снежинкой обернулась,
опустилась около меня,
мне голубоглазо улыбнулась.

От улыбки кровь стучит виском,
я прилив подъёмных сил почуял,
словно шар воздушный высоко
между небом и землёй лечу я.

Я лечу не облаком в штанах -
силой моего воображенья,
всё передо мной в иных тонах,
единеньем песни и движенья.

Я лечу над суетою дел,
постигая новые вершины.

А звезда, с чьей помощью взлетел,
на земле осталась средь снежинок.

А звезда - снежинка там внизу
затерялась в общей снежной стае.

Перед кем ответственность несу,
ежели весной она растает.

Я лечу, а месяц - однорог
надо мной хохочет зло и дико:
Песнь твоя, Орфей, пошла не впрок,
ежели исчезла Эвридика.

Судьба - это штука, которой
всё также неймётся.
Над неудачником словно девчонка смеётся,
преуспевающих ценит она лишь для виду,
а на меня ни за что затаила обиду.
Хочет, чтоб был я всегда и во всём
ей послушен,
был у неё под пятою податливым мужем,
хочет себе хоть немного,
но бабьего счастья,
и не желает простить моего несогласья.
Я не хочу даже на ночь остаться с судьбою,
ибо давно обручён и навечно с тобою.

Я всё тебе сказал и повториться
похожими стихами не рискну.

Слова как птица.

Пойманная птица теряет, к сожалению, новизну.

А я хочу всегда во всём быть новым,
быть вечным откровеньем для тебя.

Нет, не лишусь своей первоосновы,
слова и чувства снова теребя.

Мне нужен свежий воздух перемены,
зимой - очаг, а в зной - холодный душ.

Вот почему хочу пренебреженно
тебе отдать все виды моих душ.

Их не одна, их много, очень много,
все разные и все они мои.

Я не могу их про себя таить,
ища к тебе желанную дорогу.

А не таить, так значит снова петь
и с каждым новым словом обнажаться.

Слова как птица.

Им не залежаться, им надо вовремя к тебе успеть.

Нас любовь обошла
почему-то когда-то сторонкою.
Почему и когда - на себя остаётся пенять
Напиши мне письмо,
хочешь - длинное, хочешь - короткое,
напиши, чтобы сердце твоё
удалось мне понять.
Может быть, я напрасно
себе на тебя наговаривал,
может, просто не смог разглядеть
твои чувства внутри -
и в котле нашей жизни
не серое булькает варево,
а кипят, поднимаясь со дна
той любви пузыри,
но им трудно прорваться
сквозь нашу густую обыденность.
Не таи ничего в своём сердце
ни нынче, ни впредь.
Помоги ж обрести
ты кипению чувств наших видимость,
чтобы им не пришлось,
оставаясь на дне, пригореть.

(В самолёте)

Ночь позади,
самолёт прорывается в утро.

Солнечный диск
нам навстречу растёт и растёт.

Что ж, расписание движенья
составлено мудро

в том, что под утро
приходит домой самолёт.

Вновь стюардесса вещает
историю города,

Но, как всегда,
помянуть забывает она
то, что сюда переехала жить

моя молодость,
то, что здесь дом мой,
работа моя и жена.

Что б ни случилось,
сюда я вернусь непременно,

здесь я живу
и здесь смысл моего бытия.

Но чтобы лучше понять,
нам нужны перемены,

вот почему
иногда улетаю и я.

Годы мои по стихам
ещё раз проскакали,
я прилетаю оттуда,
где был молодой, и загадал:
если встретишь меня на вокзале,
значит, я весь, навсегда
и воистину твой.

Уже снижаться начал самолёт,
Я возвращаюсь из небытия -
каким земля меня назад возьмёт,
каким предстану пред нею я?
Мгновенье - это тоже интервал,
порою равный вечности иной,
Что я в себе увидел и познал,
из прошлого что я возьму
с собой?

(В поезде утром)

Багряный диск всплывает
над туманом,
земля как женщина озябшая лежит,
а солнце своим лучиком румяным
уже скорей согреть её спешит.
Земля ещё не полностью проснулась,
с предутреннею негой в ладах.
К ней солнце осторожно прикоснулось,
пора будить, но жалко - молода.
Спит женщина,
прикрыв глаза рукою,
в стыдливой безмятежности своей.
Обтянутое тело простынёю
с двумя холмами острыми грудей.
Спит женщина
под мерный стук вагона,
что снится ей хорошего в пути:
быть может, расставанье у перрона,
быть может, встреча, та, что впереди.
Спит женщина,
блаженствуя минутой,
спит, память чувств при всех не теребя,
А я люблюсь ею и как будто
она напоминает мне тебя.

Где-то между мной и тобою,
воровато спрятавшись в тень,
стать грозитя нашей судьбою
неуютный завтрашний день.
Погоди, ещё время не вышло,
разлучать нас ещё не пора.
Может быть расцветёт ещё вишня,
ожидающая топора.

Улыбкою, забыв про осторожность,
Вы новый шанс мне выдали: дыши.
Спасибо Вам за Вашу ненарочность
и за реанимацию души.

У нас с тобой всё заземлено,
и не страшны нам жизненные грозы.
Ток стрессов нас не опалит
и росы -
не высушит.
Всё будет зелено.
Но и болота тоже зелены,
и в них кувшинки
красочно цветут.
Но ряска буден -
это не батут,
чтобы взлететь в заоблачные сны,
туда, где грозы таинством манят
и ждут незаземлённого меня.

Это трудно - не быть,
отсидеть, отмолчаться,
никого не любить
и со злом не встречаться.

Я не могу перешагнуть черту,
делящую желанья и возможности
из осторожности,
чтоб не обидеть ту,
что в мыслях я зову
своей мадонной.

Остаток лет
я проведу с тобой
не потому, что жизнью утомлённый,
покорствую перед своей судьбой.
Я чувствую себя Пигмалионом,
а созданная мною Галатея - ты.

Небо пахнет свежими грибами,
мокрый снег кашеобразно вял.
Я неуголёнными губами
не тебя, а воздух целовал.

Земля -

словно женщина в белом
казаться невестою хочет,
не всё, знать, в груди отболело.
Но дни - холодней и короче.
Найти бы в прошедшее дверцу
и новой весной повториться.
А грусть серебристо струится
по елям, берёзам и сердцу.

По русским горкам,
вверх ли, вниз ли,
летели камнем иль ползли,
мы настроением не кисли
и впечатления пасли.
Паслись на водной глади утки,
берёзы мёрзли без листа,
нас согревали прибаутки
и вера в здешние места.
Перебегал туман дорогу
и дождик выдавал фальцет.
А я улыбку - недотрогу
на Вашем ощущал лице.

Опавших лиственниц скелеты
и обречённая хвоя.
А мне напоминает лето
улыбка звонкая твоя.

Можно ли влюбиться в простоту,
ту, что словно дважды два понятна,
ту, в которой тайны не найду,
но с которой быть всегда приятно.
Если слушать мудрую сову -
можно,
если сердце слушать - нет.
Я тебя без устали зову,
стань моею тайной наяву,
как ещё непознанный рассвет.

Море по-медвежьи валко
пережёвывало валы,
а мне мерещилась фиалка
в озябших ладонях волны.
А когда впечатленьями горд
я вернулся в прокуренный город,
лёг на душу делячества смог,
и цветок сохранить я не смог.

Перед женщиной всех поколений
склоните, склоните колени.
Немного осталось явлений
подобных вселенскому чуду.

Чароит

Сиреневая нежность чароита
не вянет от веснушек-угольков,
они как несмышлёный
рой мальков
толпятся, в грани каменной
зарыты,
зовут меня в сиреневую глубь,
чаруя вездесущностью своею.
Я этим камнем не переболею.

Он жарок,
как огонь
желанных губ.

Берёзы-девчонки

Зелёной зарёю зарделись берёзы,
стыдливо и страстно бросаясь в судьбу.

Им ветер крикливо кидает угрозы,
и рваное небо берёт на испуг,
пытается платице скомкать девичье,
сорвать, изорвать изумрудную ткань,
чтоб серая голость осталась в наличьи,
а яркую ярость - в ту Тьму-таракань.

Но юность не слушает злых наставлений,
румянец горит на щеках у берёз.
И я, отряхнувшись от буден и лени,
девчонкам стихи на свиданье принёс.

Белоствольные берёзы
в белошалевом снегу -
вы стоите словно грёзы
на далёком берегу
Мне до вас не дотянуться,
не обнять девичий стан.
Ни заснуть и ни проснуться
не даёт, не даёт мне ваш дурман.

Зимнее утро

Предраассветная нега
шевелинулась в окне,
свежим набрызгом снега
потянулась ко мне.

Непорочной фатою
чуть коснулась берёз
и, искрясь чистотою,
понавеела грёз.

А сквозь белую снежность
словно вишни кипень
осторожно и нежно
занимается день.

Он сперва как невеста,
а потом как жена.

Будет что - неизвестно,
а пока - тишина.

Я глажу тело твоё,
тёплое
как налитая солнцем вишня.

Мы - вдвоём,
но я - лишний.
Ты замкнута на себя.
Судьба.

Стихи... неосвязаемы как утварь
и бестелесны словно лунный луч.
Они как тайна, спрятанная внутрь,
и где-то мной обронен
нужный ключ.

Утренняя электричка

Огни разжижают утра
сиреневые чернила,
и снежная свежая пудра
искрится в ногах фонарей.
А в утренней электричке
девчонка на грудь уронила
невыспавшуюся косичку
и голову вместе с ней.

Естественно
цвести фиалкам,
музыке -
накапливаться в гамме,
а женщине -
быть любимой.
Но когда Вы прошли мимо,
солнцу стало ничего не жалко,
и оно превратило
цветы и музыку
в молчаливые камни.
Это - всё, что мне от Вас
осталось.

На женщин надо любоваться сзади,
чтобы смущеньем их не обязать
и можно было б формулой Саади
их динамичность тонко описать.

Утро

По осенним полям,
занедужившим серым туманом,
отряхая с себя паутину
оголённых ветвей,
растекается рыжее солнце - подранок,
умывая озябшее утро
горячею кровью своей.
В небе слышится
птиц отлетающих клёкот,
уносящих меня
в своём дружном ряду.
С добрым утром,
хоть ты от меня и далеко.
Вместе с утренним солнцем
к тебе я подранком приду.

Маме

Зависть - это хорошо и плохо,
Мама, я завидую тебе,
на твоих глазах прошла эпоха,
от начала века до «теперь».
В эти годы грозы громыхали,
о победах пели соловьи,
только никогда не отдыхали
руки материнские твои.
И косынки красной
алый отблеск
ты сквозь годы пронести смогла.
Я бы дал тебе медаль «За доблесть»,
за твои несчётные дела.
Но медали нет, а только... дети,
внуки да и правнуки сейчас.
Вместе с ними
ты живёшь на свете
дважды, трижды и в четвёртый раз.
Так живи и хворости не ведай,
жизнь и окружающих любя.
Многие тебе желаю лета,
Мама, с днем рождения тебя.

Я сегодня один,
рядом место пустое,
что ж, луна, заходи,
всё-таки будет двое,
ты меня обними,
словно в давнюю молодость

Но попробуй,ними
эту жуткую жёлтость.

Ты нагая - не та,
нет в тебе наслажденья.

Суета, суета...
Жду любовь каждый день я,
но не едет она,
не спешит мне навстречу.

Только эта луна.

Одиночество.

Вечер.

Неправда, что страсти утихли,
что мы не парим в облаках.
Мне нравятся белые туфли
на стройных женских ногах.
Мне нравятся женские ноги.
Не надо их прятать в штаны.
Отвечу я критикам строгим:
глаза нам на то и даны.
Мне нравятся резвые груди,
что вскинулись встречно ко мне.
Алмаз - он алмаз даже в груди
замызганных грязью камней.
Мне нравятся женские взоры,
когда на себе их ловлю.
Пусть судят меня ревизоры -
без женщин я жизнь не люблю.

Лес, я к тебе на исповедь
пришёл.
С седых ветвей
стряхни остатки спячки,
стряхни с души обиды и болячки,
сотри скорей их в снежный порошок.
Возьму его в ладони -
он растает,
и смоется с души уставшей
стресс,
в ней воцарится истина простая,
как этот умиротворённый лес.

В наши сны загляните,
любимые женщины,
но не очень вините,
увидев там трещины.
Отлюбилось, отмучилось,
отболело, сбылось.
На поверхности вспучилось,
а внутри - улеглось.
И сквозь трещины рваные
суть шипит как змея:
нет, не женщины - главное,
а работа моя.

Перелески.

Перекрёстки.

Загрустившие берёзки
и рябиновые всплески
проплывают за окном.

Мне знаком
здесь каждый шорох,
каждый штрих,
совокупностью которых
врезан в памяти триптих:

Слева - небо,
одинаково голубое
в любое

время года.

Справа - богатырская тишина

лишена
суеты и мертвечины.

А посреди - первопричина

всякого земного хода -

движение,
пронзительное как звук гобоя
и неразлучное как ощущение
близости жены.

Не утаи
себя в пыли нашей повседневности.

Гнев нести
в себе
и радость прятать от всех -
это нескромность.

Огромность
мира вмещаая в сердце,
пусти туда людей.

Или, лучше,
выплесни всё наружу.

Нарушу
оболочку,
в которой я был упрятан
в материнском лоне,
встану в колонне
таких же
душою обнажённых.

О, если бы жёны
нас понимали
так же как матери.

Я ещё не проснулся.
Меня ещё дрёма стреножит.
День заботами новыми
в небе не вспыхнул пока,
но уже сновиденья пустые
меня не тревожат.
В этот утренний час
я одною тобою богат.
Ты приходишь ко мне в этот час
так прозрачно и зримо,
раскрываешь глаза и уста
мановеньем руки,
и стихи, что всю долгую ночь
меня жгли негасимо,
вырываются в мир неожиданной
гранью строки.
Облегчение моё,
моя боль и моё наслаждение,
Ты приходишь нежданно,
со счастьем меня породня.
Наважденье? Пускай.
Ты - желанное мне наважденье,
как роса по утрам - обещанье хорошего дня
За тобой прихожу и в распахнутый день я.

Бабье лето, это - бабье лето.
Девушки, уж вы не обессудьте,
пусть сегодня в мире все поэты
посвящают женщинам стихи,
тем, кому уже, увы, не двадцать,
чьи давно определились судьбы -
им должны сегодня удаваться
яркие последние штрихи.
Пусть в них чуть побольше позолоты,
чем в листве весеннего расцвета,
смогут одарить они кого-то
добротой своей и красотой.
Ну, а если уж кого полюбят,
сделают богаче всех на свете.
Чем им оплатить за это, люди?
- Только лишь взаимностью простой.
Нет, не брать, дарить они умеют,
видя в этом тоже наслаждение,
Замечал не раз, что чем труднее -
горделивей и прямей их взгляд.
Как они воистину прекрасны,
эти предпоследние мгновенья.
Жаль, что только время им не властно:
бабье лето не вернуть назад.

Славные женщины!

Милые дамы!

Бабушки, дочери, подруги и мамы!

Где бы вы ни были:

дома, на службе,

и за столом, у сценической рампы,

к вам обращаю свои дифирамбы,

вам объясняюсь в любви я и в дружбе.

Вы - словно Лотос в руках Гаутамы,

райские птицы Омара Хайяма,

чище, чем воздух весеннего утра

и изощреннее, чем Камасутра,

великолепней, чем злато Приама

(только войны из-за вас нам не надо),

будьте для рыцарей главной наградой,

будьте сестрой Дульсинеи Тобосской

и Галатеей податливой воска,

любвеобильны, умны и упрямы

как героини Шекспировской драмы,

в меру строги, шаловливы, капризны -

радуйте всех обаянием жизни.

Будьте для всех нас

любви отраженьем,

вечным вопросом

и вечным решением,

долгим столетьем

и быстрым мгновеньем,

будьте для нас

родником вдохновенья,

чтобы поэты, артисты и барды

славили вечность весеннего марта.

8.03.99г.

Червона рута

Поля призывно заалели мятой
с надеждою меня приворожить.
А я - всё с краю целины несмятой,
всё не решаюсь через сердце жить.
Всё издали любуюсь красотою
и по обочине, пыля и семена,
всё не могу соединиться с тою,
что посредине поля ждёт меня,
что тянет мне приветливую руку,
улыбкой обещает счастье дать.
Увы, не я сажал червону руту,
и потому не мне её топтать.

Матери, провожающей детей

Будет так же шар земной кружиться,
высекая искры на бегу.
Но уже не греческая жрица -
будешь ты стоять на берегу,
провожая вдаль не аргонатов
в плаванье за сказочным руно,
а мальчишек в утреннее завтра.
Им куда конкретно - всё равно,
лишь бы в неизвестное уехать.
Им твоей печали не понять.
Пожелай же, мать, и мне успехов.
Я ещё смогу рюкзак поднять.

Какая сила в русских бабах,
пронёсших на своём горбу
и Лихо, что ломало слабых,
сложивших ручки во гробу,
и беспросветную работу
без отпусков и выходных.
Слезу перешибало потом
и жизнью веяло от них.
Порою прятались в браваду
о бесполезных мужиках
и плакали в себя, как в вату,
на одиноких лежаках.

Старуха, шаркая,
в пимах на босу ногу
забытой псине
вынесла поесть.
А снегу-то, а снегу, слава богу,
как в прожитых годах её -
не счесть.
И с белизной
старушечьего взгляда
сливаются седые небеса,
И старый пёс
повиликает задом,
и памятью печалятся глаза.

Ты - как нечётное число
напополам неразделима.

И утра свет, и ночи зло
в тебе смешалось воедино.

Не могут звёзды без луны,
Не могут горы без долины,
не может море без волны –
и мы с тобой неразделимы.

Я умру на рассвете
с приближением дня.
Будут птицы на свете
так же петь без меня.
Будут таять туманы
и роситься трава.
Без меня, даже странно,
будет солнце вставать.
Словом «надо» влекомы
будут люди спешить.
Человеческий гомон
без меня будет жить.
Он как реквием вечный
надо мной прозвучит.
Жалко, только, конечно,
голос мой замолчит
в человеческом хоре.
Но, меня заменя,
кто-то новенький вскоре
запоёт за меня.
Но в нетленную землю
уходя на покой,
одного не приемлю –
быть забытым тобой.

Всё имеет свой предел и срок.
Но чем ближе край,
тем глубже чувства.
У любви есть высшее искусство -
понимать друг друга между строк.

Портрет любви писали все поэты,
я тысячи просматривал картин,
но из портретов ни один
не содержал, увы, твои приметы.

Я глаза закрываю
не оттого, что устал,
а чтобы лучше слышать,
как произносят уста
твое имя.

Почему я все дни не писал
о тебе ни строки -
строги
желанья мои не повторяться.

Бряцать
словами не так уж сложно.
Ложно,
себя будоража,
вытряхивать последнюю каплю,
коплю
которую
как сердцевину самого себя.

Я вижу красоту
закрытыми глазами,
торжественную песнь
в молчаньи уловлю.
Но не могу, увы, обычными словами
я высказать, за что и как
тебя люблю.

Утомлённое Подмосковье
дремлет, сон на сосняк нахлобучив,
и увядшею жёлтой морковью
дремлют грустные фонари.
Поезд с рельсами говорит,
за дорогу изрядно наскучив,
и свободная ёмкость купе
пухнет мыслями о тебе.

Всё хорошо. Всё очень хорошо.
Жена меня неторопливо любит.
Нетерпеливым я карандашом
уже не рву тетрадные листы.
Всему свой срок.
Мой, видимо, прошёл,
Сухую ветвь бесстрастно Время рубит.
Мой остов остаётся нагишом,
и в памяти - стерильные пласты.
Иссохшая душа не прослезится,
не рухнет наземь буйным водопадом,
и родниковой тайною дыша,
потрескавшихся губ - не освежить.
Но если огненная колесница
чужих страстей промчится
где-то рядом,
горячим ветром вдруг меня коснётся -
как знать,
от искр случайных не займётся ли
пожаром новым
и жарким словом
пусть высохшая,
но не кончившая жить
моя душа.

Горы в розовом хитоне
груды вверх вздымают страстно
и Ярилле шепчут: «Кто не
любит, тот живёт напрасно».
Круч волнующая сила,
склонов трепетная нежность
уломала, упросила.
Позабыв про неизбежность,
позабыв про вечность круга
и про Времени проклятье,
солнце спит у скал в объятьях.
Ждёт Рассвет напрасно друга.

Ты проникла в меня, словно в утро
рассвет.
Я к тебе прикипел, словно к яблоне
цвет.
Созревает душа моя вместе с тобой,
вырастает одной неделимой судьбой.
Пусть ветра прошумят,
пусть нас мочит дождём.
Мыс тобой и разлуку и всё -
переждём.
Ты меня не откинь,
словно высохший лист,
пред тобою я чист, пред собою не чист.
Потому я и жду того судного дня,
чтоб снега одеялом укрыли меня.
Но и там, не любя, или слишком любя,
никуда не смогу я уйти от тебя.

Незнакомка

Читая Брюсова или Блока,
я грежу: брызнет беглый блик,
и из давнишнего «далека»
увидю Незнакомки лик.
Дыша улыбкою туманной,
конец вуали теребя,
она мне скажет: «Всё - обманно».
О, как похожа на тебя.

Сколько раз говорено:
не надо
старые следы искать в песках.
Даже эхо прежней канонады
чувств не отражается в висках.
Замело. Затихло. Отболело.
Но иммунитета нет и нет.
На снегу нетронутым и белым
в новый
себя вдавливаю след.
И сквозь налетающую снежность
новый взгляд в толпе людской
ловлю,
тот, что отрицая безмятежность,
снова даст почувствовать:
люблю.

Голубая сутолочь любви,
ты меня в объятья не лови,
я не тот, и ты уже не та,
ни к чему нам эта маята.

Треволнений нам и так не счесть,
бьёт волною нас о берег быта,
чайки стонут жёстко, словно жечь,
по которой жизнь молотит битой.

В грохоте и сутолоке дней
спрятали мы сердце в твёрдый панцирь,
ничего нет проще и трудней,
как перед собою оправдаться.

Будто всё извели сполна,
нам теперь спокойствие дороже,
отчего ж тогда душа больна
так, как будто бы мороз по коже.
Эх, взыграй в нас с прежней силой,
страсть,

подымусь я вверх и в волны ринусь.

Даже если и придётся пасть,
разолью всего себя на вынос.

Я. Мне. Моё.
Мы. Нам. Вдвоём

Знать, трудной некрикливой теплотою
костёр меня согреет до утра.
Так и любовь, волнение молодое
уняв, становится надёжна и мудра.

Цветёт японская сакура
в дождями залитой Москве –
и уж не так на сердце хмуро,
не так паскудно в голове.
Я слышу розовые трели
и лёгкий шелест кимоно,
как будто ты идёшь к постели,
но ... обрывается кино.

Я для тебя -
и «да»
и «нет»
из горьких слез
и грез несладких.
В пространстве бесконечных лет
не сыщешь тротуаров гладких.
Но сквозь колдобины и грязь
живу,
тобою обретаясь.

Сойди в меня

На стене - пожелтевшее фото
молодой и красивой - тебя.
Ты с прищуром глядишь на кого-то,
память будущих лет беребя.
Все ли так, как казалось когда-то,
что - сбылось,
от чего - отеклась?
Ты - осталась.
А жизнь - как стаккато
в ритме «темпо», увы, пронеслась.
Не грусти.
И сегодня ты - прима
не на сцене, а в жизни моей.
Так же мне дорога и любима.
Так сойди в меня.
Станься.
Сумей.

За эти годы - много лет прошло, а зимы нас,
по счастью,
миновали;
и память мне нести не тяжело,
хотя событиями по горло был завален.

Ты для меня -
как некий божий дар -
ниспослана счастливою судьбою.
Пускай в груди уже не тот пожар,
но я люблюсь и горжусь тобою.

Ты - мой фундамент,
ты - моя звезда, ты - стимул мой
и первый и последний,
к тебе - моя последняя верста,
мои земные и дела и бредни.

Ты - свет и тень моя,
моя юдоль,
ценитель мой
и мой хулитель строгий.
С тобою мы и поперек и вдоль
исколесили всякие дороги.
От дома ты напасти отвела
и двух орлов пустила в поднебесье,
теперь у них уже свои дела,
а нам с тобою - оставаться вместе.

Нет, время не касается тебя,
и не коснется -

верую в надежде,
а я, колеса лет не торопя,
люблю тебя еще сильнее, чем прежде.
Ну что тебе сказать в июльский день -
не хочется мне, право, повторяться -
пускай чело твое не тронет тень -
желаю этого и буду добиваться.

14.07.94г.

Доброта любви

Знаю - не по наущенью,
жизнью в истину вбит:
нет доброты всепрощенья,
есть доброта любви.

Жарче

В чужом окне
огонь сияет ярче,
моя лампада - тусклая звезда,
но угли отгорающие
жарче,
чем пламенные всполохи,
всегда.

Я не люблю глухие переулки,
сюда не проникает звездный душ,
здесь обитают сутенеры душ,
шаги их отдаются эхом гулким.

И падшая - величие храня,
здесь обнимает -
только не меня.

Зажглась звезда -
одна на небосклоне,
ничтожная в сравненьи с фонарем -
как бриллиант в серебряном кулоне,
ограненный морозным январем.
В ней схожесть есть с едва замерзшей льдиной -
как ярок свет,
как холоден их свет -
нет страсти под сияющей личиной.
О, приходи,
живительный рассвет.

Чистота

Радио врёт как всегда о погоде:

дождь обещали,

на улице ж - зной.

Лесом иду,

птицы песней щекотят,

шмель-наркоман увязался за мной,

травы хмельные стоят вдоль дороги,

прошлым величием дух теребя.

Мне б очутиться сейчас на пороге

дома, в котором я встретил тебя,-

я бы напился студеной водою

из родника перламутровых глаз,

рук твоих нежных укрылся фатою -

ты для меня в чистоте сбереглась.

Хочу

Я думал,
что на многое горазд,
и не копил здоровья, мыслей, злата.
Теперь же вот скитаюсь по палатам
в надежде -
будто кто-то силы даст.
Не жди чужого -
пользуйся своим,
в борьбе с самим собой приобретенным.
Я не хочу -
быть просто молодым,
хочу в тебя быть заново влюбленным.

Года твои - жемчужины на нитке.
Чем больше их - тем краше твой наряд
Не прячь крупницы жемчуга в улитке -
пусть на груди твоей они горят,
храня в себе таинственную свежесть
твоих манящих глубиной глаз,
твою неиссякаемую нежность,
невыставляемую напоказ.
Ты вся сродни сокровищу морскому -
чем старше,
тем дороже и ценней,
даруя мне не пряную истому,
а белый свет прозрачности своей.
Чуть-чуть отстранена,
укрывшись в нише
своих переживаний и забот -
ты для меня становишься все ближе,
но все не догоню -
который год.

Сиреневая нежность чароита,
тепло его веснушек-угольков
мне обнажают даль живых веков,
и глубь природы в камне мне открыта.
Без опасений в эту даль гляжу
и, отрицая право на ошибку,
в ожившем камне часто нахожу
я чью-то чароитную улыбку.

Мы с тобой
неравны по возможностям,
мы с тобою
равны по делам.
В этом мире отчаянно-сложностном,
где, казалось бы, правит бедлам,
нашей прихотью, нашим желанием
было двое детей рождены.
А теперь я глотаю реланиум,
чтобы в ауре верной жены
позабыть про житейские трудности,
коротая вдвоем вечера.
Сколько нам еще надобно мудрости,
чтобы «завтра»
равнялось
«вчера»,
чтоб в своей разноликой потенции
наши души в грядущем смогли
сохранить верность той же тенденции -
больше выдать,
чем взять у земли.

На сером фоне
ветки словно бритвы
сейчас прорежут небо
и...лови
свой первый снег,
как первые молитвы,
как первое признание в любви.
Снег радуется встрече с человеком,
глаза ему восторженно слепя.
Я поздравляю
с новым
первым снегом
Вас
и себя.

Заиндевелые леса
печальной чистотой облиты,
и тонет в ней моя слеза –
слеза несбывшейся молитвы.

Я так хотел найти звезду,
ту, что за облако заброшена,
познать чужую красоту
лишь взглядом,
взглядом осторожным.

Я так хотел любить ее
беспамятно и бесконечно,
чтоб паутиной бытие
не тронуло дорогу млечную,
любить как тайный идеал,
недосягаемый руками,
чтоб никакой девятый вал
не прикасался к ней губами.

Но вышло все наоборот:
звезда сама скатилась в руки,
втянув меня в водоворот
земных страстей, земной разлуки.

Звезду в руках не удержать,
погасла и заледенела...

Мне остается только ждать -
чего? -
в лесу заиндевелом.

Каросса

Набухла туча черной рванью
и от стыда закат погас,
предгрозовой вечерний час
налит немым очарованьем.

Все - в ожиданье.

Лес зонтом
укрыл свою младую поросль.
А мы опять с тобою порознь,
и где-то значится наш дом.

Он - пуст.

Мы все - поразбежались
по разным нашенским делам,
опущена на окна жалюзи -
нас затянул земной бедлам.
И лишь пред Небом мы в ответе
за то, какими стали дети,
какими стали сами мы
в преддверьи грозовой зимы.

О небо,
ты не мучь вопросом,
скорей грозою разрешишь -
молнеобразная Каросса*

дарует нам
иную жизнь.

* Каросса - проявления общего аспекта человечества (см. «Розу мира» Д. Андреева)

Звездность

Наверно, я тебя не понял.

Ты - не томление креста,
что над собой я гордо поднял,
ты - уцелевшая звезда.

Хотя мне недоступны страсти,
что твой поддерживают свет,
он отгоняет все напасти
и красотою полнит цвет.

О, эта звездная фотонность,
что нить гармонии прядет,
заманивая нас в бездонность,
где всяк себя вновь обретет.

08.03.95г.

Наваждение

В черной рамке мой портрет,
надо мной словесный бред:
он ушел в расцвете лет
и оставил яркий след.

Нет.

Пока еще живой -
буду слушать голос твой
и кидаться с головой
в бурный омут деловой.
Свой бокал я - не допил,
глаз твоих - не долюбил,
замков светлых - не слепил,
песен главных - не сложил.
Жил, живу и буду жить -
будет некогда тужить,
буду с звездами дружить,
этим миром - дорожить.

Нас крутит жизнь
подстать земли вращенью,
космическому вторя кораблю.
Мне незачем просить у Вас прощенья:
кого, за что - не знаю,
но... люблю.

Дрожит листва в объятых Ветродея
и сбрасывает наземь желтизну.
Уж больше никого не украду я,
а если...
попытаюсь и рискну.

Мадонны спешат на работу,
забыв про домашний бедлам.
С трудом подавляя зевоту,
они отдаются делам.
И в белом своем облачении
они разгоняют хандру.
Я вслед им гляжу с облегченьем,
и хочется жить по-утру.

Я видел женщину (мимолетное)

В этом северном крае
альбиносам назло
мне богиню из рая
лицезреть повезло.
Просмоленная челка,
древнегреческий нос,
и стройна - словно елка,
а глазища - вразнос.
Скулы выдались малость,
чтоб улыбку беречь.
Гнули - но не сломалась
от назойливых встреч.
Никакие другие
оценить не могли
пальцы - струны тугие,
что меня увлекли.
Протянула мне руку
на прощанье она -
по сердечному кругу
прокатилась волна.
Замер я от виденья
красоты неземной,
а она - четкой тенью
пронеслась предо мной.
Ты куда и откуда
в этот снежный февраль,
так похожа на чудо.
Мимолетное -
жаль.

Изумруд

Я думал - лишь Хозяйка Медных Гор
владеет дивной тайной изумрудной,
но понимать стал с некоторых пор,
что внешне быть похожею - не трудно.

А вот когда улыбчивостью глаз
зеленый луч тебе навстречу брызнет,
то хочется, чтоб этот свет - не гас,
нас побуждая радоваться жизни.

Лада

Все то же -
звезды и луна
как украшение ночи.
В груди огонь уж не клокочет,
но ты - как аромат вина
пьянишь вечернею прохладой,
и легкоструйный бриз,
навеянный тобою - Ладой
таит любви сюрприз.
Рядясь в обычные одежды,
в потоке будних сил
Она - прекраснее надежды,
небесней всех светил.
Она - и рядом и далече,
искрится как ручей.
И я, обняв тебя за плечи,
спешу навстречу Ей.

Полуторамилльонный город,
запрятавшись в ущелья сердца,
мне без тебя безжизнен и безлик.
Так мирриады собранных жемчужин
спят,
не разбуженные восклицаньем Солнца,
похожие на скопище песка.
Так ледниково-мраморные горы,
страдающие вечною бессоницей,
не могут в одиночестве согреться.
Разлука мнет меня в своих тисках,
снег тает у горячего виска -
и только блик твоей улыбки нужен
мне неотложной помощью и скорой,
чтоб сгинула зеленая тоска,
чтоб город мог
собою вновь наполниться,
и музыка,
похожая на скерцо,
в моей душе затрепетала вновь.

Осколок

Оплавает свеча.
Тает вкус твоего поцелуя.
На морозном окне
проступает узорная прядь.
Прижимаюсь горячей щекою к стеклу я,
чтоб остыть и простить,
чтобы голосу разума внять.
Не бывает, наверное, жизни
без ссор и размолвок,
паутину судьбы
невозможно сплести без узлов,
иногда ощутимее камня
бывает осколок,
даже если всего это -
несколько слов.

Мчатся белые кони разлуки
через пустошь моей немоты;
и от ветра глаза захмелели,
проглядели они, проглядели,
как сквозь сердце проехала ты.

Мне б в догонку -
да нету разбега -
одинокое на месте топчусь,
засыпаемый хлопьями снега,
засыпая от холода чувств.
И напрасно кусаю я руки,
о возможном так поздно трубя -
эти белые кони разлуки
унесли в неизвестность тебя.

Пыл - «пли»

Я устану,
когда стану
усталым,
когда пыл мой
вывалывается в пыли.
Мои тропы завалены
снегом талым,
и почки на кустах
запалены,
ожидая команды
«пли».

В нашем возрасте -
грустная прелесть:
светлый иней ласкает глаза,
и в ладонях росинки согрелись,
эхо вторит былым голосам.
В вальсе времени нежность не тает,
и в душе - соловьиная трель.
Бабье лето - пора золотая.
Только жаль, что не скоро апрель.

По тронутой сединами аллее
гуляет женщина давно не юных лет,
гуляет, ни о чем не сожалея
и не пытаюсь вновь попасть в свой след
С ней поравнявшись,
розовый мужчина,
прикрывшись шапкою седых волос,
так церемонно, бережно и чинно
букет из алых роз ей преподнес.
Идиллия, вы скажете.
Быть может,
но трогает прощальное туше.
А мне вдруг стала жизнь еще дороже,
теплей и чище стало на душе.

Осенний пляж нахохлился
как серый
приюта не нашедший воробей,
согретый только памятью и верой
в тепло прошедших и грядущих дней.

По мокрому песку, утюжа кучи,
гуляет ветер, разметая хлам;
свинчаткою насыщенные тучи
швыряют дождь со снегом пополам.

Все сковано до нового сезона,
готово к летаргическому сну,
но в тайне жаждет звонкого клаксона,
вещающего новую весну.

Приходят неожиданные двое,
друг друга не касаясь и плечом,
послушать шум осеннего прибоя -
и вся им это морось нипочем.

Моя душа на этот пляж похожа,
пустынна и задумчива она,
но ожиданием весны воспалена.

А на ее встревоженную кожу
компресс кладет холодная волна
твоей рукой.

Рождается сверхновая звезда
непознанною силой неземною,
и той же силой ледоход весною
на части рвет устои у моста.
Снега искрятся чароитным светом
и невпопад горланят петухи,
когда улыбкой женской как рассветом
в душе рождаются и силы и стихи.

Похожесть

Не знаю, не помню, не вижу
я кроме тебя никого.
И в неба ночную афишу
гляжу: какова!

Каково

ж мое удивленное чувство,
когда в окруженьи твоём,
где было то густо, то пусто,
тесниться мы стали вдвоем.
Нет, я не могу отделиться -
повязан с тобою судьбой.
И смотрят похожие лица
на нашем портрете с тобой.

Ноябрь.

По крыше дождь бубнит,
а на асфальте зябнут лужи.
Но непогодь сильней и глубже
друг с другом нас соединит.
Увы, мой порох отсыревший
не вспыхнет брызгами костра.
Пусть страсть моя не так остра,
но я люблю тебя - не реже,
а главное, мое тепло
стократ усилено тобою;
и оттого, когда нас двое,
уютом светится дупло.
Пусть в этот день не с нами дети,
и внуки тоже далеки,
четыре нашенских руки
обнимут всех и вся на свете.

19.11.95г.

Бинал

Любовь и «вновь» -
рифмуются недаром,
мы -
лики Одного,
и ты и я,
того,
что зародилось в Доме Старом
как полюса - начала Бытия.
Мир движем разностью потенциалов,
его ячейка -
это наш бинал,
где ты меня все время отрицала,
а я тебя все время догонял.
И в сладкие минуты единенья
мы дали жизнь соколам своим,
и вместе с ними удаленной тенью
мы в изначалье слитное летим.

Мы-
двуначального Мира
модели,
каждый
друг друга дополнить готов.

Я без тебя -
как зима без метели,
лето - без солнца,
весна - без цветов.
Ты без меня -
как бескрылая птица,
не улетевшая в Чудо-Грааль*.
Только вдвоем
мы смогли повториться
в детях,
продолживших нашу Спираль.

Слова - как струганные рейки,
строги в изяществе своем.
динамика - не в жарком брейке,
она - в молчании... вдвоем.

Есть только миг.
Все остальное - миф.

* Грааль — страна - мистерия

Внук мой портрет нарисовал:
едва заметные кудряшки,
морщины,
правильный овал
моей яйцеподобной ряшки,
в косых глазах -
сердитый взгляд,
под носом вздыбилась щетина.
И получилась,
говорят,
правдоподобная картина.

Не сжигай за собой корабли,
и мосты - не спеши, не круши.
В остающейся млечной пыли
детям вырасти легче в мужи.
Помоги им себя обогнать,
чтобы стартом с твоих рубежей
было легче лететь и шагать
в вечном поиске миражей.

Однажды
порой бабьелетней,
когда уже осень близка,
спросили у бабки столетней:
«Еще поживешь...
или как?»

Врасплох не застали вопросом –
немного подумав,

она
на прошлое шмыгнула носом
и глянула вдаль из окна,
ответила шамкнув губами,
скрывая пустующий рот:

«Сынки, надоело мне с вами,
да что-то господь не берет,
не все, значит, я отслужила,
кому-то еще, знать, нужна...»

А осень листвою кружила
и падала вниз тишина.

Тамара

Что в имени твоём
сокрыто для меня -
знаменьё знака или звука?
Какою силою маня
влечешь меня в свою орбиту?
Царице грозной покорясь,
благодарю свою планиду
за ту неведомую связь,
что обрела нас
друг для друга.
Когда б ты иначе звалась,
наверно, было б все иначе -
другому б ты передалась,
попал бы я в другие руки
и жил б, судьбу свою кляня
за нелюбовь, за неудачи.
Как хорошо, что у меня
нет этой мрачной незадачи.
И свет,
что в имени твоём,
пусть долго светит нам
вдвоем.

Когда рука твоя
ложится на плечо,
то суетность как грязь
с меня спадает,
и ощущение благодати
влечет
к таинственным реалиям Алтая;
то, мнится,
над Белухой парю,
где меж землей и небом
нет преграды;
то в озеро бездонное смотрю
и - рядом -
звезд небесных мирриады.
Жара и холод связаны рекой,
здесь с будущим соседствует былинность,
здесь все слилось:
волнение и покой,
вчера и завтра,
ты и я -
в единость.

По обе стороны Урала
поднявши над челом забрало
со мной в открытую играла
моя напарница - судьба.

Скубаться с ней не надо было.

Не тормозя, не торопила,
она по-своему любила,
за что, не знаю сам, меня.

Менять ее я не намерен,
доволен ею в полной мере,
не подведет она, уверен.

Не подведу ее и я.

Триптих

«Живу, зову, и помню» -
тройной автопортрет,
соединить в нем нелегко мне
дела недавних лет
и память пройденных спиралей
моим нездешним «Я»,
и чувства, что не растеряли
«Мы» в дебрях бытия.
Есть та неведомая сила,
что прошлым дорожа,
меня нередко возносила
в созвездья миража,
где к современникам взывая,
Я - и Отец и Сын,
соединить собой пытаюсь
тугую связь годин.
И голос мой пока не стих,
примите мой триптих.